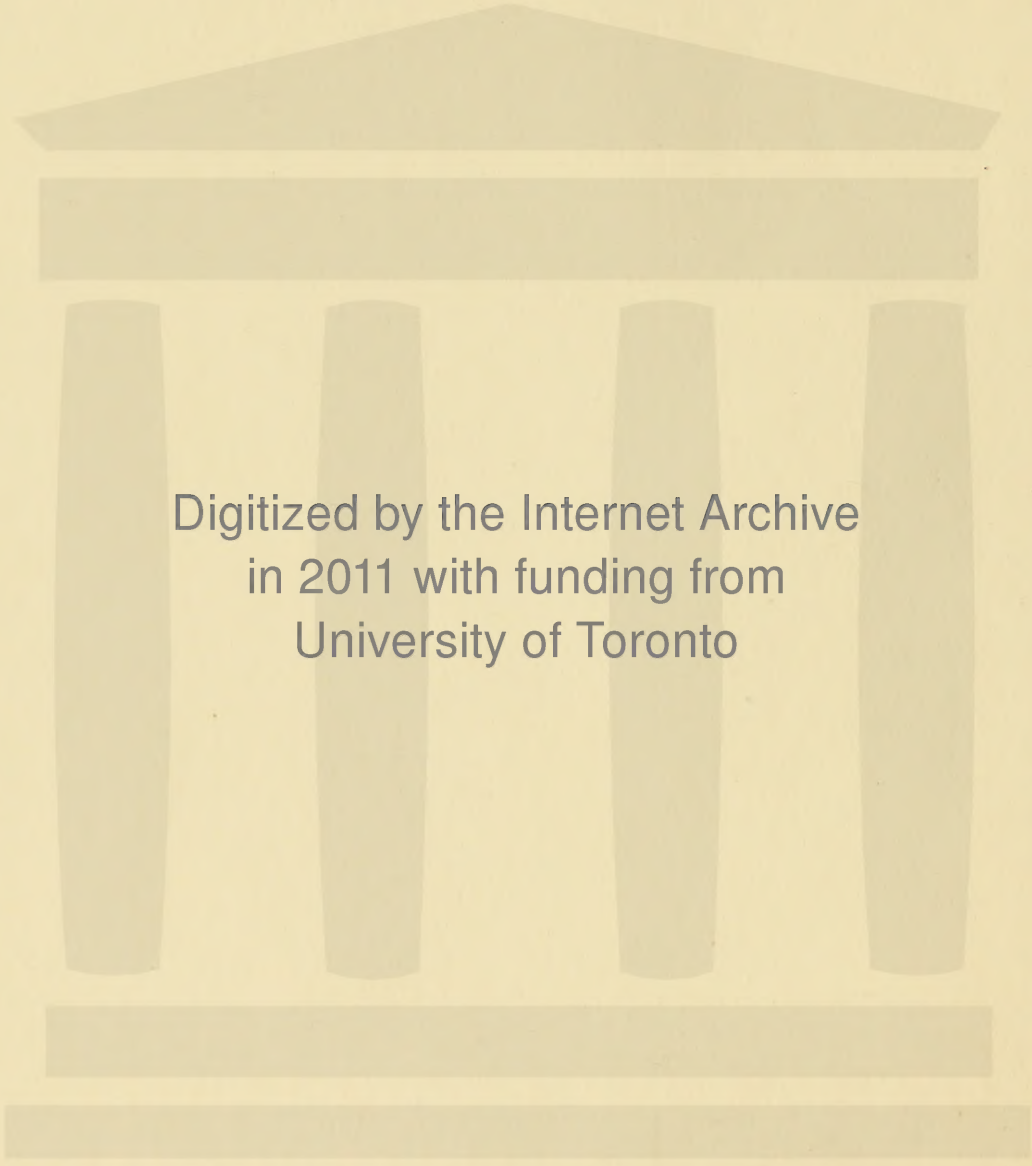
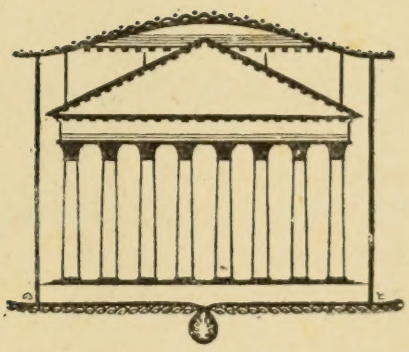
UNIV. OF TORONTO LIBRARY

3 1761 08821297 2


Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/sbornikliubovnol00vese

A



LR.C
S 2766

СБОРНИКЪ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ XVIII ВѢКА.

Sbornik lyubovnoi liriki XVIII vyeka

Съ біо-библіографическими примѣчаніями

АННЫ ВЕСЕЛОВСКОЙ,

статьей барона Н. ВРАНГЕЛЯ

«Женщина въ русскомъ искусствѣ XVIII вѣка»

и

приложеніемъ текста и нотъ пѣсенъ XVIII в.

499164
27. 10. 49

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство «ПАНТЕОНЪ».

PRINTED IN RUSSIA.

Отпечатано въ типографіи - Сиріусъ - Спб. Соляной, 7.

Любовь стихи животворитъ
И старому даетъ видъ новой.
Карамзинъ («Посланіе къ женщинамъ»).

Чтенія по русской литературѣ XVIII вѣка съ одной стороны, стремленіе современной поэзіи къ неоархаизму съ другой, наконецъ интересъ, проявляемый въ обществѣ къ XVIII столѣтію вообще — побудили меня обнародовать небольшой сборникъ стихотвореній старыхъ поэтовъ, частію малоизвѣстныхъ, частію и вовсе забытыхъ, — разсѣянныхъ по журналамъ того времени [1]), по многочисленнымъ пѣсенникамъ и сборникамъ, а порой и въ собраніяхъ сочиненій тогдашнихъ авторовъ, нынѣ ставшихъ библіографическою рѣдкостью.

Въ настоящемъ сборникѣ, наряду съ малоизвѣстными поэтами встрѣтятся и громкія имена: Сумарокова, Державина, Капниста, но, къ сожалѣнію, у насъ въ большинствѣ случаевъ знакомы только съ тѣми ихъ произведеніями, которыя, такъ сказать, канонизированы исторіей русской литературы, а между тѣмъ изящныя пѣсенки Богдановича, любовная лирика Капниста какъ бы остались въ тѣни. Сумароковъ — тво-

[1]) См. Неустроевъ: «Историческое розысканіе о русск. соврем. изд. и сборн. за 1703 — 1802 гг.». Спб. 1875 и «Русскую Поэзію» Венгерова. вып. I — VII, этотъ капитальный трудъ, продолженія котораго, мы, увы, не видимъ. Въ немъ имѣется и библіографія ко многимъ поэтамъ.

рецъ «Хорева» и «Дмитрія Самозванца», авторъ грубоватыхъ басенъ, длинныхъ эклогъ, сатиръ и посланій — заслонилъ Сумарокова — лирика, который и теперь бы могъ плѣнять, если не глубиной лиризма и богатствомъ образовъ, то своеобразнымъ архаичнымъ изяществомъ, звонностью размѣра, напѣвностью... Ермила Кострова мало кто знаетъ, а если и знаетъ, то какъ неудобочитаемаго переводчика Иліады, а онъ между тѣмъ писалъ звучныя пѣсенки на французскій ладъ.

Забыта «поэзія лѣтняго сумрака» Карамзина, забыты «соловьиныя пѣсни» Нелединскаго-Мелецкаго, «счастливаго Шольё и Анакреона» того времени, «эти перлы, всегдашній образчикъ мастеровъ пѣсенныхъ»...

Имена многихъ поэтовъ и не воскресить, т. к. въ большинствѣ случаевъ въ журналахъ того времени авторы не подписывались, а въ пѣсенникахъ перепечатывались стихотворенія анонимно.

Предлагаемый сборникъ посвященъ любовной лирикѣ, т. к. она, являясь наиболѣе характерной, наиболѣе забыта, хотя менѣе всего устарѣла; захожая съ Запада, она быстро привилась и дала образцы значительной художественности [1]). Мы различаемъ 3 этапа ея развитія:

1-ый этапъ — съ середины XVIII вѣка до 80-хъ годовъ — время торжества французской салонной ли-

---

[1]) См. изслѣдованіе А. А. Веселовскаго: Любовная лирика XVIII вѣка. Спб. 1909; тамъ же приведены описанія состава пѣсенниковъ.

рики, занесенной къ намъ Сумароковымъ, лирики, строго установившейся и кодифицированной Буало. Лирика эта, по существу, безмѣстна, но съ самаго момента пересадки ея въ русскую литературу замѣчается стремленіе сдѣлать ее болѣе народной — стремленіе безрезультатное, ибо ее сковывалъ «уставъ» Буало.

Это — время Сумароковское.

2-й этапъ — съ 80-хъ годовъ до конца столѣтія — попытка создать собственную русскую народную и простонародную лирику, создавая ее по образу и подобію французской, но съ приданіемъ мѣстнаго колорита, частью заимствуя образы изъ русской народной пѣсни (попутно исправляя и искажая послѣднюю); это — время Державина, Чулкова, Попова, время составленія причудливыхъ миѳологій и пѣсенниковъ. Попытка не увѣнчалась успѣхомъ. «Дѣвушки россійски», танцующія подъ свирѣлью пастушка, все еще напоминаютъ существа пасторальныя.

Наконецъ, 3-ій этапъ, знаменующій собою исходъ XVIII вѣка, стремленіе, отчасти подъ вліяніемъ нѣмецкихъ чтеній, сдѣлать свѣтскую лирику болѣе задушевной; это лирика сердечнаго томленія, лирика съ риѳмами «страсть» — «напасть», «могила» — «унылый», лирика безсакатной луны и соловьиныхъ трелей; это — раннее время Карамзина и его сверстниковъ, время зачатковъ сентиментализма; она продолжалась довольно долго, пока не слилась съ народной русской лирикой Пушкина. Зачастую отзвуки всѣхъ 3-хъ направленій совмѣщались въ творчествѣ одного и того же писателя.

Своеобразные, подчасъ очень красивые размѣры характерны для любовной лирики; правда, она небогата содержаніемъ, неприхотлива образами. Потому то я и рѣшаюсь предложить небольшой сборникъ избранныхъ произведеній (отъ Сумарокова — до Карамзина и Дмитріева въ ихъ раннемъ творчествѣ включительно), дабы по нимъ дать общее представленіе о лирикѣ того времени.

Критеріями для выбора пьесъ были: распространенность даннаго произведенія, свидѣтельствующая о томъ, что оно нравилось, было характерно для времени, и собственный эстетическій вкусъ, который является необходимымъ для сборниковъ подобнаго рода, не претендующихъ на научность.

«Правда, что есть люди, которые не любятъ стиховъ», говоритъ Карамзинъ, «такъ же какъ другіе не любятъ музыки и прекрасныхъ женщинъ, но такая антипатія есть чрезвычайность, и мы изъ учтивости ничего не скажемъ о сихъ людяхъ».

Вамъ же, любители старины и поэзіи, посвящаю я мой скромный трудъ, «томное эхо» когда то громкаго вѣка.

А. В.

Въ концѣ сборника прилагаются ноты къ нѣкоторымъ стихотвореніямъ изъ старинныхъ сборниковъ, вообще однообразныхъ по содержанію, почему мы и выписали только изъ трехъ.

Долгомъ считаю выразить мою искреннюю признательность глубокоуважаемымъ В. П. Саитову и Вс. И. Срезневскому за оказанное мнѣ содѣйствіе и цѣнныя указанія.

ЖЕНЩИНА ВЪ РУССКОМЪ ИСКУССТВѢ

XVIII ВѢКА.

ЖЕНЩИНА ВЪ РУССКОМЪ ИСКУССТВѢ XVIII ВѢКА.

«Душенокъ мой, дуракъ, дорогія сладкія губки, котъ заморской, левъ въ тростникѣ, милой, милушка, милая милюша, павлинъ, радость, mon beau faisan d'or, славной и сладкой, собственной мой милой, татаринъ, тигръ, шалунъ, сударушка» — вотъ слова ласки, которыя говорили русскія женщины XVIII вѣка своимъ возлюбленнымъ. Этотъ «языкъ любви», какъ сладостный вздохъ вѣтерка, навѣваетъ мысли о минувшемъ вѣкѣ.

Но былъ ли этотъ вѣкъ пудры и вздоховъ, вѣкъ воркующихъ голубей, «томныхъ арфъ», «пастуховъ» и «пастушекъ» такимъ, какимъ создала его греза художниковъ? Что это правда жизни, которую отразилъ Сумароковъ въ своихъ «Пѣсняхъ», Капнистъ — въ душистыхъ, какъ весенніе ландыши, «Вздохахъ», Дми-

тріевъ, Ермилъ Костровъ и Богдановичъ? Или просто выдумка, «вздоръ», неправда, которой тѣшили себя поэты? И то и другое. Любовная лирика XVIII вѣка — не отраженіе жизни, но и не ложь. Это сонъ о жизни, греза о дѣйствительности. Это квинтессенція мечтательнаго желанія, вылившагося въ чистые кристаллы словъ. И когда сравниваешь правду жизни, «то что было», съ тѣмъ, «что разсказано», то еще яснѣе становится тотъ красивый дурманъ, которымъ такъ легко и умѣло опьяняли себя люди временъ Елисаветы, Екатерины и Павла.

Русскіе XVIII вѣка, остриженные и переодѣтые Петромъ, вмѣстѣ съ «Всеньянѣйшимъ Соборомъ» потеряли всѣ свои старые идеалы. Женщина, запертая въ свѣтлицѣ, выведена на хмѣльную ассамблею, на грубыя пирушки съ гогочущими здоровенными нѣмецкими конюхами и русскими пьяницами. Шуты и скоморохи, весь «балаганъ жизни», вдругъ выброшенный изъ темныхъ угловъ въ общественность, сразу перевернулъ всѣ прежнія понятія о домовитости и благопристойности русскаго человѣка. Тѣ, кто наканунѣ еще кланялись Богу и его святымъ, кто вчера еще блюли завѣты старой церкви — стали вдругъ вмѣстѣ съ «Царемъ Антихристомъ» надругиваться надъ прежними святынями. «Княгиня игуменья» и «князь папа» въ непристойной святотатственной пляскѣ, среди прихлебателей Великаго Преобразователя Россіи символизировали «Todentanz» надъ старой жизнью. Всѣ женщины, долгіе годы таившія свои страстные вздохи среди

стѣнъ домовъ, вырвавшись на свободу, сразу опьянились жизнью и ея радостями.

Князь Щербатовъ въ своемъ «Поврежденіи нравовъ въ Россіи» говоритъ: «Пріятно стало женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ; не малое же имъ удовольствіе учинило, что могли прежде видѣть съ кѣмъ должны на вѣкъ совокупиться. Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того нечувствующія своей красоты, начали силу ее познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніи».

«Дщерь Петрова», какъ извѣстно, также любила веселые кутежи, «сказываютъ особенно любила токайское» и фаворитизмъ, процвѣтавшій при Дворѣ, былъ какъ и всегда, примѣромъ для всего русскаго общества.

Послѣ веселой распутной Елисаветы царствованіе Петра III было также полно любовныхъ утѣхъ.

«Не токмо государь, разсказываетъ кн. М. М. Щербатовъ, угождая своему любострастію, тако благородныхъ женщинъ для удовольствія имѣлъ, но и весь дворъ въ такое пришелъ состояніе, что каждый почти имѣлъ незакрытую свою любовницу; а жены, не скрываясь ни отъ мужа ни родственниковъ, любовниковъ

себѣ искали. Исчислю ли я къ стыду тѣхъ женъ, которыя не стыдилися впадать въ такія любострастія, съ презрѣніемъ стыда и благопристойности, иже сочиняетъ единую изъ главнѣйшихъ добродѣтелей женъ? Нѣтъ, да сокроются отъ потомства имена ихъ и роды ихъ да не обезчещутся напамятованій преступленій ихъ матерей и бабокъ».

«Московскія дамы отличаются любезностью, говоритъ Казанова, посѣтившій Россію въ 1766 году. Онѣ ввели въ моду премилый обычай, который желательно было бы распространить и въ другихъ краяхъ, а именно: довольно чужестранцу поцѣловать у нихъ руку, чтобы онѣ тотчасъ же подставили и ротикъ для поцѣлуя. Не сочту сколько я ручекъ спѣшилъ разцѣловать въ теченіе первой недѣли моего пребыванія».

Свобода отношеній въ XVIII вѣкѣ, особенно во второй его половинѣ была удивительно проста. Дѣвушки, почти дѣти, уже мечтали о любовныхъ утѣхахъ, создавали себѣ сладкій міръ грезъ. Въ книгѣ «Переписка модъ», изданной въ 1791 году, говорится о современныхъ женщинахъ: «Дѣвушки почитаютъ за достоинство имѣть много любовниковъ и мало къ нимъ любви. Въ самое же то время, когда онѣ по богатству выходятъ за одного мужа, тогда по сердцу обручаются со всѣми, которые имъ милы».

Такого рода взгляды и легкое отношеніе къ любовнымъ ласкамъ прививалось въ очень ранніе годы. Многія еще въ дѣтскомъ возрастѣ выходили замужъ, почти совсѣмъ не зная своихъ жениховъ. Княжна

Мещерская, мать Римской-Корсаковой, вышла замужъ — двѣнадцати лѣтъ, Н. М. Телѣгина — одиннадцати. Такихъ примѣровъ во всѣхъ слояхъ общества можно привести множество. Къ тому же надо прибавить тѣ гаремы изъ крѣпостныхъ, которые имѣли почти всѣ помѣщики. У кн. Н. Б. Юсупова въ его подмосковной было собраніе портретовъ болѣе 300 красавицъ, расположеніемъ коихъ онъ пользовался.

Въ этой волшебной атмосферѣ XVIII столѣтія всѣ были опьянены красивымъ дурманомъ страсти. Правду скучной жизни никто не хотѣлъ знать. Всѣ создавали себѣ химеры, хотя бы изъ тѣхъ крѣпостныхъ Малашекъ, Дунекъ и Лизъ, которыхъ самодуры-помѣщики заставляли играть роли богинь на картинахъ и героинь на сценахъ помѣщичьихъ театровъ.

Вся жизнь превратилась въ театральную декорацію и всѣ разыгрывали роли актеровъ и актрисъ, не замѣчая какъ иногда грубо сшиты ихъ платья, какъ картонны декораціи и какъ путаетъ суфлеръ. Вся эта «нарочитая неправда» минувшаго жизненнаго строя теперь ужъ не возродится никогда. Въ этомъ мірѣ красивой лжи было совсѣмъ особое, плѣнительное издалека, острое и пряное смѣшеніе утонченной изысканности и грубой животной страсти. Такъ было до конца XVIII вѣка.

Слѣдующее поколѣніе романтическихъ мечтателей Александровской эпохи, стало дальше отъ жизни, жило болѣе мечтой чѣмъ страстью тѣлъ. Геройскіе подвиги эпохи «Войны и мира» заставили надолго забыть пастушескую идиллію XVIII столѣтія.

II.

Какъ же теперь рисуется намъ русская женщина XVIII вѣка, не по правдивымъ протоколамъ жизни, а по стихамъ поэтовъ, картинамъ и портретамъ художниковъ? Подчеркнули или затушевали они яркія черты русскаго быта? Нѣтъ, они просто забыли ихъ, уйдя въ другой міръ, гдѣ есть «воспоминаніе о землѣ», но нѣтъ ни копіи, ни правды жизни. Они создали себѣ замокъ грезъ, полный нѣжной, ласковой, мечтательной поэзіи. И какъ дѣти они стали играть со своими разряженными куклами, воображая, что это настоящіе, живые люди. Не даромъ же въ XVIII столѣтіи такъ любили театръ маріонетокъ...

Но зная жизнь прошлаго, еще увлекательнѣе кажется условный стиль, жеманная манера переложенія правды на выдумку. Вѣдь если читаешь воспоминанія того времени, безхитростную переписку — эти беспристастные документы жизни, то поражаешься прежде всего той странной смѣсью грубаго и изысканнаго, неряшливости и внѣшняго лоска, которые въ своеобразномъ сплетеніи даютъ такой пряный ароматъ русской жизни XVIII вѣка. И тогда еще болѣе цѣнишь поэзію этой эпохи, любишь тѣхъ, кто только силой фантазіи смогъ превратить быль въ сказку, людей въ боговъ, капустный огородъ — въ лѣсъ «Спящей красавицы». Долго любуешься этими бутафорскими словами и образами, которые составляютъ весь «живой инвентарь» поэзіи XVIII вѣка. И милы, дороги и красивы намъ игрушки — слова Сумарокова, Дмитріева и Богдановича: «розы», «бабочки», «го-

лубки», «цвѣточки» и «пастушокъ». Ярко и выпукло выявляются изящныя, драгоцѣнныя бездѣлушки «ювелировъ слова» на нѣсколько грубомъ, но сочномъ фонѣ русской дѣйствительности. Кажется будто видишь не тѣла, но души всѣхъ этихъ Анютъ, Аглай, Катенекъ и Лизанекъ, чувствуешь сокровенныя, «придуманныя» ими слова любви и ласки. Что же другое нужно отъ поэзіи, отъ красиваго эха плачущихъ струнъ сердца?

Въ живописи XVIII столѣтія мы находимъ тѣ же черты условности, ту же изысканную пантомиму. Люди этого времени были слишкомъ хорошо воспитаны, чтобы разсказывать быль. Они понимали, что факты жизни окажутся жалкими словами для потомковъ и только ложь и фантастика останутся навсегда. Вотъ почему въ картинахъ и портретахъ этого времени тотъ же особый стиль пасторальной, бутафорской красоты. «Живописецъ всегда долженъ стараться изображать токмо выгодныя лица или пріятные моменты. Носъ кривоватый можно попрямить, грудь сухую, плеча слишкомъ высокія принаравливать къ хорошей осанкѣ». Такъ говорится въ наставленіи «совершенному живописцу».

Дѣйствительно, на картинахъ этого времени женщина рисуется намъ какой то особенной, прекрасной. Кажется, будто всегда она была нарядной и холеной, что она мыслила и чувствовала изящно. И какъ теперь въ литературѣ и живописи намѣренно подчеркивается въ женщинѣ все, что въ ней есть распущеннаго и нездороваго, такъ тогда, въ XVIII столѣтіи,

говорилось о ней только «изящная правда» и «красивая ложь». Но подъ этими бутафорскими словами всегда чувствуется острый и опьяняющій ароматъ скрытой правды. Порочныя мысли и чувства поэтовъ этой утонченной эпохи нарочито заключены въ почти дѣтскіе образы, выражаются условными, наивными словами. И тѣмъ болѣе поражаютъ и волнуютъ они, когда знаешь что испорченные большіе дѣти только притворяются маленькими, играя на своихъ театральныхъ подмосткахъ въ куклы. Вотъ почему въ этомъ кажущемся ребяческимъ и невинномъ лепетѣ таится такой особенный, неотразимый и губительный злой ядъ. Этотъ ядъ и въ картинахъ художниковъ и въ стихахъ поэтовъ, словомъ, во всемъ, что сохранило благоуханіе XVIII вѣка: въ табакеркахъ и вѣерахъ, въ кружевѣ музыки и въ острословіи прежней рѣчи. Вѣдь не все ли равно, какія игрушки забавляютъ взрослыхъ: игрушки звуковъ или словъ или игрушки красокъ?

И вотъ, людямъ нынѣшняго вѣка такъ весело и хорошо вспоминать объ играхъ своего дѣтскаго возраста: взрослымъ прикидываться маленькими, злымъ — добрыми, а испорченнымъ — невинными дѣтьми. Такъ забавно и радостно смѣшать старое и молодое, слишкомъ умное со слишкомъ глупымъ. И забыть про свой вѣкъ, про свою скуку, и боль, и тоску подъ ласковыя дорогія слова женскихъ писемъ: «душенокъ мой, дуракъ, котъ заморской, шалунъ, сударушка, mon beau faisan d'or, славной и сладкой...»

Баронъ Н. Врангель.

Мартъ 1910 г.

А. П. СУМАРОКОВЪ.

Александръ Петровичъ Сумароковъ родился въ 1718 г. и происходилъ, по его словамъ, отъ знатныхъ предковъ. Первоначальнымъ образованіемъ его руководилъ отецъ, человѣкъ просвѣщенный. Въ 1732 г. онъ былъ отданъ въ сухопутный Шляхетный кадетскій корпусъ. Къ пребыванію же въ корпусѣ относится его увлеченіе литературой [1]) и первые въ ней опыты — пѣсенки.

Эрата перва мнѣ воспламенила кровь,
Я пѣлъ заразы глазъ и нѣжную любовь.

Одна изъ этихъ пѣсенокъ «была съ восхищеніемъ принята знатнѣйшими дамами, которыя пѣли ее передъ императрицей (Анной Іоанновной), танцевали подъ голосъ ея минуеты» (Бантышъ-Каменскій). — Выпущенный изъ корпуса въ 1740 г., Сумароковъ не пожелалъ поступить ни въ какой полкъ и былъ прикомандированъ къ канцеляріи гр. Миниха, а потомъ, послѣ паденія его, въ канцелярію гр. Разумовскаго. Здѣсь на досугѣ продолжалъ онъ свое образованіе — изучалъ языки. Съ 1747 г. по 1761 г. наступаетъ для него расцвѣтъ литературной дѣятельности. Трагедія «Хоревъ», переводъ Гамлета (1747 г.), «Синавъ и Труворъ» (1751 г.), «Семира»

[1]) Въ корпусѣ образовалъ онъ среди воспитанниковъ общество любителей россійской словесности.

(1752) — завоевываютъ ему прочную извѣстность. Въ это, приблизительно, время пріѣзжала изъ Ярославля труппа актеровъ Волкова (Нарыковъ-Дмитревскій, Поповъ [1]), Шумскій и др.) Пьесы Сумарокова сыграны блистательно, и онъ былъ назначенъ первымъ директоромъ, основаннаго по указу 30 августа 1756 г., Россійскаго Театра. Лихорадочная литературная дѣятельность продолжалась. Отмѣтимъ драму «Пустынникъ» (1757), трагедію «Ярополкъ и Дамиза» (1758) и балетъ «Прибѣжище Добродѣтели». Въ 1759 г. Сумароковъ издавалъ журналъ «Трудолюбивую Пчелу», кою почти заполнялъ своими произведеніями. Въ 1761 г. онъ получилъ отставку по навѣтамъ своихъ враговъ. Литературная дѣятельность его, вслѣдствіе разнообразныхъ дрязгъ и повышенной раздражительности, слабѣетъ и вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ въ патріотической неистовой трагедіи «Дмитрій Самозванецъ» (1771 г.), чтобы вовсе загаснуть. Умеръ вскорѣ и много-трудившійся писатель — въ 1777 году.

Литературное наслѣдство послѣ Сумарокова огромно и заслуживаетъ упоминанія, т. к. послѣ изданій его XVIII в., сдѣланныхъ Новиковымъ [2]), произведенія Сумарокова полностью не перепечатывались.

Помимо трагедій, оперъ, драмъ и балетовъ (часть ихъ нами упомянута) Сумароковъ написалъ 6 комедій, правда, не столь удачныхъ; многочисленныя оды: торжественныя (въ нихъ онъ уступалъ Ломоносову), духовныя, переложенія псалмовъ, оды разнаго содержанія (частью переводныя), элегіи, эклоги, идилліи, сатиры, басни, эпистолы, эпитафіи, много мелкихъ стихотвореній, не подлежащихъ никакой изъ упомянутыхъ рубрикъ, и журнальныя статьи разнообразнаго содержанія. Словомъ, мы видимъ нѣчто вродѣ литературной энциклопедіи того времени.

[1]) Иные предполагаютъ, что это былъ писатель Михайла Поповъ, о которомъ ниже.

[2]) 10 томовъ; 1-ое изд. 1781 г. и 2-ое — 1787 г. При жизни автора, помимо отдѣльныхъ изданій, сочиненія его вышли въ 2-хъ томахъ 1769 года.

Современная и ближайшая Сумарокову критика превозносила его до небесъ, называя то Расиномъ [1]), то Вольтеромъ; послѣдующіе писатели, въ томъ числѣ и Пушкинъ, отнеслись къ нему холодно. Проф. Буличъ въ капитальномъ трудѣ своемъ, нынѣ ставшемъ также библіографическою рѣдкостью (Сумароковъ и современная ему критика, Спб. 1854 г.), пытается примирить столь разнорѣчивыя мнѣнія критики въ пользу Сумарокова, поясняя отрицательные отзывы о немъ тѣмъ, что послѣдующія поколѣнія, примѣняя къ оцѣнкѣ его свой критерій, упускали изъ виду колоссальный трудъ его, какъ начинателя во всѣхъ литературныхъ видахъ.

Гораздо позднѣйшее поколѣніе, знакомое уже съ кодексомъ литературы, болѣе пристально, съ любовью и пытливостью взглянетъ на зарожденіе его и помянетъ добрымъ словомъ тѣхъ, что потрудились надъ нимъ. Заслуги Сумарокова огромны. Онъ поистинѣ можетъ называться первымъ по времени русскимъ литераторомъ и публицистомъ (до него, и даже послѣ него, литературой занимались побочно), гордящимся своимъ призваніемъ и употреблявшимъ его во благо угнетеннымъ (особенно въ своихъ сатирахъ); съ этихъ поръ русская литература стала великой печальницей за скорби народныя, отъ кого бы онѣ ни исходили.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о любовной лирикѣ Сумарокова. Дѣлится она на двѣ рѣзкія категоріи — съ одной стороны романсъ, съ другой пасторальная поэзія во всѣхъ ея видахъ (эклога, идиллія и т. п.).

Романсъ, занесенный съ Запада, безмѣстенъ, безколоритенъ. Сильно подчеркнутое чувство (обыкновенно несчастная любовь) въ ущербъ содержанію. Образы скудны: любовь—огонь, любовь — рана отъ стрѣлы Амура и смежные съ ними. Изысканность размѣровъ, разнообразіе ихъ (нынѣ только возрождающееся) и напѣвность — главныя черты его [2]).

[1]) Апологія къ потомству отъ П. Струйскаго о свойствѣ нрава Сумарокова. Спб. 1788.

[2]) Романсъ этотъ Сумароковъ пытался обнародовать, также и пастораль, но ни въ томъ, ни въ другомъ не имѣлъ успѣха. Однако указалъ пути примѣромъ своимъ, а не правиломъ.

Пастораль — золотой сонъ изжившагося человѣчества, занесенная къ намъ съ Запада, даетъ колоритность, но условную, почти лубочную:

Распустилися деревья, на лугахъ цвѣты цвѣтутъ,
Вѣютъ тихіе зефиры, съ горъ ключи въ долинахъ бьютъ,
Воспѣваютъ сладки пѣсни птички, сидя на кустахъ,
А пастухъ въ свирѣль играетъ, сидя при рѣчныхъ струяхъ.

Колоритность есть, мѣстности нѣтъ, ибо Эльдорадо пасторали можетъ быть гдѣ угодно, а флора и фауна ея столь сборны, что ни въ одномъ климатѣ не уживутся вмѣстѣ.

Содержаніе ея зачастую неприличное, причемъ занавѣсъ во время долженъ опускаться. Сумароковъ, въ пылу работы, не всегда успѣваетъ это сдѣлать. Образы тѣ же, что и въ романсѣ, только въ нихъ болѣе фигурируетъ природа: неприступная пастушка — кипарисъ, невинность — лилія и т. п. Размѣры значительно однообразнѣе романса.

Сумароковъ въ Эпистолѣ о стихотворствѣ заботливо оставилъ своимъ преемникамъ по искусству прецепты, какъ писать романсы и пасторали; причемъ, ставя рядъ условностей, которыя, если соблюдать ихъ, связывали по рукамъ и по ногамъ, завѣщалъ имъ быть, повторяя правило Буало, искренними:

Коль хочешь ты писать, то прежде ты влюбись.

Тѣсные, узкіе путы условностей и наставленій не соблюдались на практикѣ и самимъ авторомъ ихъ. (Нѣкоторыя стихотворенія вольны и прекрасны, какъ видимъ мы). Не соблюдались они и послѣдователями. — Лирика Сумароковскаго типа продолжалась почти до конца XVIII в., когда, параллельно съ ней зачалась новая, съ новой волной заимствованій съ Запада.

Покоривъ мое ты сердце,
Перестань его язвити;
Грудь мою прелестнымъ видомъ
Ты изранила довольно;
Не пора ль мое мученье
Окончати, дорогая,
Не пора ли, дорогая,
Умножать мою надежду;
Обѣщай мнѣ сдѣлать радость,
Ту сладчайшу сдѣлать радость,
Всею мыслію которой,
Всѣми чувствами желаю.

(Сочиненія, 1781 г. т. VIII, стр. 179).

Въ радостяхъ всегдашнихъ я тобой была,
А теперь престала быть тебѣ мила.
Иль меня за вѣрность нынѣ ненавидишь,
Какъ я ни смущаюсь, ты того не видишь,
И не видишь слезъ моихъ.

Ты прельщенъ другою, ей подвластенъ сталъ,
И забылъ то вѣчно, какъ о мнѣ вздыхалъ.
Ты меня не ищешь, я тебя ищу,
И не сожалѣешь, сколько ни грущу,
Отлученна дней драгихъ.

Ты меня покинулъ; щастливъ будь съ иной;
Но часы тѣ вспомни, какъ ты былъ со мной,
Съ каковымъ привѣтствомъ я «люблю» сказала,
Сколько много ласки я тебѣ казала,
Какъ и ты меня любилъ.

Рокъ немилосердый все то вдругъ пресѣкъ,
Все то миновалось, все прошло навѣкъ,
Хоть въ груди пронзенной зракъ остался твой,
Но изъ сердца выгнанъ прежній — имъ — покой;
Ты мнѣ безъ надежды милъ.

Какъ въ любви ты новой получишь успѣхъ,
Тѣнь мою увидишь средь своихъ утѣхъ,
Предъ тобой предстану въ горести слезяща,
Въ жалобахъ и пеняхъ стонъ произносяща:
Буду всѣмъ изобличать:

Какъ ты обѣщался ввѣкъ меня любить,
И другой клянешься вѣчно вѣренъ быть.
Чувствуешь ли искру совѣсти въ себѣ?
Но какой искати жалости въ тебѣ!
Мнѣ тобой животъ скончать.

Тяжкой сей напасти неудобно снесть:
Ощущаю муки, сколько ихъ ни есть.
То, любя, сгораю, то я каменѣю:
Вотъ какую плату за любовь имѣю.
Вотъ мнѣ слѣдство отъ любви.

Отъ моихъ ты болѣй убѣгаешь глазъ,
Для чего жъ я плачу по тебѣ всякъ часъ
Всѣ сердечны скорби отъ тебя терплю:
Знаю; но какъ душу я тебя люблю,
Чьимъ ты нынѣ ни слыви.

(Сочиненія, 1781 г. т. VIII, стр. 192).

Не терзай ты себя:
Не люблю я тебя;
Полно время губить:
Я не буду любить;
Не взята тобой я,
И не буду твоя.

Не терзаю себя:
Не люблю я тебя;
Дни начто мнѣ губить;
Я не буду любить:
Не плѣнюсь тобой я;
Тщетна гордость твоя.

А когда премѣнюсь,
И къ тебѣ я склонюсь,
Такъ полюбишь ли ты
И сорвешь ли цвѣты?
Я хранить ихъ могла:
Для тебя берегла.

Такъ и я премѣнюсь
И всѣмъ сердцемъ склонюсь:
Мнѣ мила будешь ты,
И сорву я цвѣты:
Ты хранить ихъ могла:
Для меня берегла.

Я покорна судьбѣ
И вручаюсь тебѣ:
Ты напрасно дни тьмилъ,
Какъ душа сталъ ты милъ,
Перестань ты тужить!
Будемъ дружно мы жить.

Я покоренъ судьбѣ
И вручаюсь тебѣ:
Я напрасно дни тьмилъ,
Коль и я столько жъ милъ.
Перестань ты тужить!
Будемъ дружно мы жить.

(Сочин. 1781 г. т. VIII, стр. 220).

Просишь пѣсню, чтобъ она жаръ мой изъяснила:
Хочешь вѣдать имя той, кто меня плѣнила;
Я сей часъ — часомъ драгимъ называти стану,
И исполню твой приказъ — ты дала мнѣ рану.

(Сочиненія, 1781 г. т. VIII стр. 255).

Взоръ мой, мысль и сердце стали обольщенны,
Я люблю тебя, люблю, мой свѣтъ.
Чувства всѣ тобою стали восхищенны,
Ничего тебя милѣй мнѣ нѣтъ.
Какъ съ тобой не вижусь, тѣ часы прелюты
Ставлю ввѣкъ я жизнію пустой.
Чту прямою жизнью тѣ однѣ минуты,
Въ кои я видаюся съ тобой.

(Сочиненія, 1781 г. т. VIII, стр. 300).

СОНЕТЪ [1]).

Не трать, красавица, ты времени напрасно,
Любися; безъ любви все въ свѣтѣ суеты,
Жалѣй и не теряй прелестной красоты,
Чтобъ больше нетужить, что вѣкъ прошелъ нещастно.

Любися въ младости, доколѣ сердце страстно:
Какъ младость пролетитъ, ты будешь ужъ не ты.
Плети себѣ вѣнки, покамѣстъ есть цвѣты:
Гуляй въ садахъ весной, а осенью ненастно.

Взгляни когда, взгляни на розовый цвѣтокъ,
Тогда, когда уже завялъ ея листокъ:
И красота твоя подобно ей завянетъ.

Не трать своихъ ты дней, доколь ты не стара;
И знай, что на тебя никто тогда не взглянетъ,
Когда, какъ розы сей, пройдетъ твоя пора.

(Сочиненія, 1781 г. т. IX, стр. 110).

---

[1]) Въ Сочиненіяхъ Державина (Изд. Имп. Ак. Наукъ т. III, стр. 464) это стихотвореніе ошибочно приписано послѣднему, будучи найдено въ его рукописяхъ за 1776 г.; на самомъ дѣлѣ оно было напечатано Сумароковымъ еще въ «Ежемѣсячн. Сочин.», 1755 г. ч. I, іюнь.

ОТРЫВОКЪ.

Взоръ твой къ злополучію сердце мнѣ вспалилъ;
Въ самомъ скоромъ времени рокъ насъ разлучилъ.
Вдругъ отъ глазъ сокрылися всѣ твои красы:
Премѣнились въ горестны — радостны часы.
Никакой веселости больше я не зрѣлъ:
Безъ тебя я въ свѣтѣ быть больше не хотѣлъ;
Мысль тобой плѣненная все была съ тобой,
Грудь мою терзаючи смертною тоской.

Что мои ни видѣли очи вкругъ себя,
Все воображало мнѣ къ горести тебя,
Гдѣ съ тобою прежде я время провождалъ,
Сколько я потоковъ тамъ слезныхъ проливалъ!
Тамо учинила ты жаръ въ моей крови:
Тамъ открылось таинство нашея любви;
Тамъ мы были въ радостяхъ, коихъ лучше нѣтъ;
Тамо разлучилася ты со мной, мой свѣтъ.

(Сочиненія, 1781 г. т. IX, стр. 235).

Успокой смятенный духъ
И, крушась, не сгорай!
Не тревожь меня, пастухъ,
И въ свирѣль не играй!
Я и такъ тебя люблю, люблю, мой свѣтъ,
Ничего тебя милѣй, ничего лучше нѣтъ.

Мысли всѣ мои къ тебѣ
Всеминутно хотятъ;
Сердце отнялъ ты себѣ,
Очи къ сердцу летятъ.
Ты изъ памяти моей не выходишь вонъ;
Всякую тебя мнѣ ночь — представляетъ сонъ.

Но въ мечтѣ не съ сей судьбой
Представляешься мнѣ;
Я цѣлуяся съ тобой,
Обнимаюсь во снѣ,
Я во снѣ тебя въ шалашъ сама зову:
Успокой смятенный духъ: будетъ то на яву!

(Собраніе разныхъ пѣсенъ М. Чулкова, 1770 г., ч. I, № 62).

Любовь! любовь! ты сердце къ утѣхамъ взманя,
Любовь! любовь! ты ужъ полонила меня:
Тобою сталъ мой взоръ прельщенъ,
И весь мой умъ;
Мой гордый духъ совсѣмъ разженъ
Отъ сладкихъ думъ.

Можно ль противиться мнѣ тебѣ въ младости.
Ты, страсть приличная лѣтамъ моимъ?
Рази, рази ты слабу грудь!
Кто милъ, того ищу;
Коль розно съ нимъ я гдѣ нибудь,
Вездѣ грущу.

Любовь! любовь! ты сердце къ утѣхамъ взманя,
Любовь! любовь! ты уже полонила меня:
Но я еще явить боюсь,
Что я люблю,
Хочу открыть, но все стыжусь
И скорбь терплю.

Кто это выдумалъ, будто порочно то,
Ежели дѣвушка любитъ кого?
Виннà ли я, что тотъ мнѣ милъ,
Кому и я мила?
А если бъ онъ не такъ любилъ,
Горда бъ и я была.

Любовь! любовь! ты сердце къ утѣхамъ взманя,
Любовь! любовь! ты уже полонила меня.
Любезный мой по всѣмъ мѣстамъ
Пускаетъ стонъ,
И, что моимъ такъ милъ очамъ,
Не знаетъ онъ.

Я притворяюсь, взоры свирѣпствуютъ:
Поступь упорная мучитъ его.
Но полно мнѣ его терзать:
Пора печаль пресѣчь,
Пора престать и духъ смущать,
И сердце жечь.

Любовь! любовь! ты сердце къ утѣхамъ взманя,
Любовь! любовь! ты ужъ полонила меня.
Внимай, мой свѣтъ, внимай мой гласъ:
Ты милъ мнѣ самъ;
Не разлучитъ никто ужъ насъ,
Кто злобенъ намъ;

Пусть разрывается, кто позавидуетъ
Жару любовному нашихъ сердецъ;
А я, любя на зло имъ всѣмъ,
Пребуду ввѣкъ вѣрна,
Коль въ сердцѣ буду я твоемъ
Всегда одна.

(Россійская Эрата, 1792 г., ч. I, № 10).

КН. ѲЕДОРЪ КОЗЛОВСКІЙ.

Князь Ѳедоръ Алексѣевичъ Козловскій родился въ 40-хъ годахъ XVIII в.; по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ поступилъ въ Преображенскій полкъ, а затѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ состоялъ въ коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія. Въ 1769 г. князь былъ отправленъ курьеромъ къ гр. Ал. Гр. Орлову въ Италію; по пути ему было поручено заѣхать въ Ферней, «къ славному французскому писателю г. Волтеру», для вручения послѣднему портрета и письма императрицы, «чему князь Козловскій весьма радовался, любя много словесныя науки, въ которыхъ онъ по великой склонности своей упражнялся въ самомъ еще малолѣтствѣ». При гр. Орловѣ Козловскій оставался до самаго Чесменскаго боя, въ которомъ погибъ при взрывѣ корабля «Евстафій» 24 іюля 1770 г.; и «Музы Россійскихъ стихотворцевъ возвѣстили свое сожалѣніе» въ «Посланіи Майкова къ В. П. Бибикову» и въ поэмѣ Хераскова «Чесменскій бой».

Козловскій оставилъ намъ въ литературное наслѣдіе нѣсколько пѣсенъ, эклогъ, элегій и др. мелкихъ стихотвореній, печатавшихся въ «Вечерахъ» (1773 г.) и «Московск. Ежемѣсячн. Изд.» (1781 г.) и послужившихъ образцами для юнаго творчества Державина; онъ перевелъ еще нѣсколько французскихъ пьесъ для театра и, кромѣ того, по желанію Екатерины видѣть на русскомъ театрѣ «комедіи прямо россійскія, осуждающія главные наши пороки», написалъ комедію въ прозѣ «Одолжавшій

любовникъ или любовникъ въ долгахъ». Трагедія «Сумбека или покореніе Казанскаго царства» и «Похвальное слово импер. ЕкатеринѢ II» остались неоконченными.

См. о немъ: «Драмат. ВѢстн.», 1808 г., ч. III, стр. 78; «Сочиненія Державина», изд. Акад. Наукъ подъ ред. Я. К. Грота, т. VI, VIII и IX, Лонгиновъ: «Новиковъ и московск. мартинисты».

РОНДО.

Посвящено милой А. А. П — ой.

Que l'on me croye ou non,
l'amour est un sentiment trop
divin pour être mortel.
Emilie d'Ort. Charnois.

Все пройдетъ въ семъ скучномъ мірѣ,
Царь и бѣдный человѣкъ,
Въ рубищѣ или порфирѣ —
Проведутъ печально вѣкъ.

Все пройдетъ въ семъ скучномъ мірѣ;
Кто о славѣ лишь радѣлъ —
Тщетно мнилъ быть чтимъ въ кумирѣ;
Ужъ его не помнятъ дѣлъ!

Все пройдетъ въ семъ скучномъ мірѣ;
Кто богатство наживалъ,
Кто гремѣлъ на нѣжной лирѣ,
Какъ цвѣтокъ, и тотъ увялъ!

Все пройдетъ въ семъ скучномъ мірѣ,
Но со мною не умретъ
Чувство нѣжности къ Темирѣ:
Въ вѣчности любовь живетъ!

(Иппокрена, 1799 г., I ч., стр. 288).

КН. ПАВЕЛЪ ГАГАРИНЪ.

Въ семьѣ князей Гагариныхъ не одинъ былъ причастенъ къ литературѣ. Авторъ предлагаемыхъ стихотвореній, кн. Павелъ Сергѣевичъ (1747 — 1789), перевелъ съ французскаго «Опытъ чувствительности или письмо одного персіянина изъ Лондона къ другу его, живущему въ Испагани». (М. 1790). Стихи его помѣщены въ «Чтеніи для вкуса» (1792 — 93), въ «Аонидахъ» (1798 — 99) и, преимущественно въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» (1794 — 96). Въ творчествѣ его особенной оригинальности не встрѣтимъ.

См. Геннади «Справ. словарь», Берл., 1876, т. I.

Въ поднебесьи раздается
Звонкой, нѣжной голосокъ,
Птичка рѣзво въ небѣ вьется,
И порхаетъ, гдѣ прудокъ;
Вдоль летаетъ:
То виляетъ
Вдоль, и вверхъ и поперекъ,
И туда,
И сюда;
Мила ласточка, здорова!
Къ намъ съ тобой утѣха нова.

Къ намъ весна спѣшитъ съ тобою,
Чтобъ забавы породить;
Ты порхай всегда надъ мною
Вѣй гнѣздо, гдѣ буду жить
Я весною
Съ дорогою:
Ты весну несешь съ собою.
Ахъ! она
Мнѣ мила!
Мила ласточка, здорова!
Къ намъ съ тобой утѣха нова.

Сизокрылой голубочекъ,
И съ голубкою своей,
Сядетъ, сядетъ на кусточекъ
Передъ Лизанькой моей.
Онъ подружку,
Я — пастушку
Станемъ нѣжно цѣловать.
Онъ въ носокъ,
Я въ ротокъ.
Мила ласточка, здорова!
Къ намъ съ тобой утѣха нова.

Надъ душистыми цвѣтами
Пестры бабочки летятъ,
И узорными крылами
Игры, смѣхи къ намъ манятъ.
Тутъ лилей
Имъ милѣй
Розы Лизаньки моей.
Игры въ ней
Смѣхи въ ней.
Мила ласточка, здорова!
Къ намъ съ тобой утѣха нова.

И листочки распушатся,
Зелень уберетъ поля,

Спѣшу съ Лизой прогуляться
Я въ цвѣтущіе луга.
И въ лѣсочекъ
Подъ кусточекъ
Отдохнуть мы съ ней зайдемъ;
Буду съ ней
Щастливъ ей!
Мила ласточка, здорова!
Къ намъ съ тобой утѣха нова.

(Пріятн. и полезн. препровожденіе времени. 1794, ч. II, стр. 65).

ЛИТОВСКІЙ ТРУБАДУРЪ.

На темноголубомъ эѳирѣ
Блеснулъ сребристый, томный лучъ,
И въ блѣднопалевой порфирѣ
Луна явилась изъ за тучъ.

Тогда при НѢманѣ глубокомъ
Влюбленный трубадуръ лежалъ:
Взглянулъ онъ на луну со вздохомъ,
Въ слезѣ лучъ томный заигралъ.

И лира нѣжно зазвенѣла —
Влюбленный трубадуръ запѣлъ
И въ НѢманѣ волна кипѣла,
И вѣтеръ въ берегахъ шумѣлъ.

Шумѣлъ; но пѣсня раздавалась,
Влюбленный трубадуръ вздыхалъ:
Любовь, любовь имъ прославлялась,
Красу сихъ мѣстъ онъ воспѣвалъ.

О ты, кого не называю,
Одной кѣмъ только и дышу,
Кого люблю и обожаю, —
Твои черты въ душѣ ношу.

Ношу и ими заниматься
Хочу съ тобой и безъ тебя;
Я ими буду оживляться,
Тобою — чувствовать себя.

Тобой!... но знаешь ли мученья
Отъ коихъ стонъ пускаю я?
Готова ль дать ты облегченье
Тому, кто страждетъ отъ тебя?

Судьбой въ край здѣшній завлеченный,
И чести шествуя во слѣдъ,
И блескомъ славы восхищенный —
Зрѣлъ счастіе въ вѣнцѣ побѣдъ.

Оно въ тебѣ — теперь то знаю!
Милѣй счастливымъ быть тобой;
Тебѣ я сердце посвящаю,
А честь? ей мечъ съ моей рукой.

Такъ пѣлъ — и руки опустились,
Вздохнулъ влюбленный трубадуръ,
Ручьями слезы покатились;
Онъ всталъ — вспорхнулъ за нимъ Амуръ.

(Пріятн. и полезн. препр. вр., 1795 г., ч. VII, стр. 79).

АЛЕКСѢЙ РЖЕВСКІЙ.

Свѣдѣнія объ Алексѣѣ Андреевичѣ Ржевскомъ чрезвычайно скудны и сухи. Родъ Ржевскихъ — именитый и старый. Алексѣй Андреевичъ (род. 1737 г.) — камеръ-юнкеръ двора Екатерины II и многихъ орденовъ кавалеръ — въ 1772 г. замѣщалъ должность директора при Академіи Наукъ, а впослѣдствіи — съ 1794 г. былъ совѣстнымъ судьей въ Петербургѣ. — Ржевскій состоялъ въ числѣ видныхъ масоновъ своего времени, принадлежа къ ложѣ «Латаны» и «Теоретическому градусу Соломоновыхъ наукъ» и, подконецъ, къ розенкрейцерамъ. Умеръ сенаторомъ и президентомъ Россійской Академіи въ маѣ 1804 года.

Дѣятельность его на литературномъ поприщѣ, продолжавшаяся до старости, была весьма разнообразна; онъ писалъ и притчи, и сказки, и оды — торжественныя и похвальныя, много эклогъ, идиллій, элегій, сонетовъ и т. п., помѣщенныхъ въ «Полезномъ Увеселеніи», «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» и «Свободныхъ Часахъ». «Всѣ сіи стихотворенія... весьма хороши», говоритъ о немъ Новиковъ въ своемъ «Опытѣ»: [1]) «и изъявляютъ остроту его ра-

[1]) «Опытъ историч. словаря о Россійск. писателяхъ», 1772.

зума и способность къ стихотворству. Стихотворство его чисто, слогъ текущъ и пріятенъ, мысли остры, а изображенія сильны и свободны». Удовольствуемся этимъ отзывомъ современника и представимъ сужденію читателя образецъ изящнозатѣйливой музы Ржевскаго [1]).

Сравн. о немъ: Памятн. Зап. Гл. И. Ржевской «Русск. Арх.», 1871 г. № 1. Лонгиновъ «Русск. писатели XVIII в.» «Русск. Стар.», 1870 г., іюль.

[1]) Ржевскимъ написана еще трагедія «Смердій и Прелеста», не напечатанная, но съ успѣхомъ разыгранная и понравившаяся при дворѣ Екатерины.

ИДИЛЛІЯ.

На брегахъ текущихъ рѣкъ
Пастушокъ мнѣ тако рекъ:
Не видалъ прелестнѣе твоего я стану,
Глазъ твоихъ, лица и вѣкъ.
Знай, доколь продлится вѣкъ,
Вѣрно я, мой свѣтъ, тебя, вѣрь, любити стану.

Вздохи взоръ его мой зрѣлъ,
Разумъ былъ еще незрѣлъ,
Согласилась мысль моя съ лестной мыслей съ тою:
Я сказала: будешь мой,
Ты лица въ слезахъ не мой;
Только будь лишь вѣренъ мнѣ, коль того я стою.

Страсть на лесть днесь промѣня,
И не мыслитъ про меня.
О, невѣрный, нынѣ сталъ плѣненъ ты иною.
Мнѣ сказалъ: поди ты прочь,
И себѣ другого прочь;
Какъ несносно стражду днесь, рвуся я и ною.

(Полезное Увеселеніе на мѣсяцъ Генварь. 1762 г. стр. 117).

МИХАЙЛА ПОПОВЪ.

Біографическія свѣдѣнія о Михайлѣ Поповѣ крайне смутны. — Неизвѣстенъ годъ его рожденія и даже, странно сказать, — кто онъ былъ такой: актеръ, привезенный Волковымъ, какъ утверждаютъ одни (Арапов ъ: «Истор. русск. театра»), или коллежскій регистраторъ при коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія; или было два М. Поповыхъ, оба стихотворцы и драматурги (Лонгинов ъ: «Нѣск. замѣтокъ для ист. русск. театра», Русск. Арх., 1870 г., стр. 1348). Несмотря на самыя тщательныя разысканія, мы не могли придти къ какому нибудь рѣшительному выводу.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ М. Поповымъ, авторомъ много-извѣстной народной оперы «Анюта», вошедшей въ Собраніе его сочиненій подъ заглавіемъ «Досуги» (2 части. Спб. 1772), — составителемъ и авторомъ сборника русскихъ пѣсенъ «Россійская Эрата» и сотрудникомъ Новикова въ его фольклористическихъ предпріятіяхъ.

Какъ писатель Поповъ частью примыкалъ къ Сумароковской школѣ, особенно развивая, едва намѣченное у Сумарокова, стремленіе къ народности. Конечно, народность эта была

чисто условная и исключительно внѣшняя [1]). Пѣсенки-романсы М. Попова пользовались большимъ успѣхомъ, къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ утрачены, такъ какъ въ «Росс. Эратѣ» авторы не помѣчены. Пасторали въ гривуазномъ духѣ изящнѣе Сумароковскихъ.

Сравн. о немъ А. Н. Пыпинъ: «Истор. русск. этнографіи», т. I. Спб. 1890.

[1]) Въ пѣсенникахъ онъ исправлялъ (искажалъ?) тексты старыхъ народныхъ пѣсенъ.

Подъ тѣнію древесной,
Межъ розъ, растущихъ вкругъ,
Съ пастушкою прелестной
Сидѣлъ младый пастухъ:
Не солнца укрываясь,
Онъ съ ней туда зашелъ —
Любовью утомляясь,
Открыть ей то хотѣлъ.

Межъ тѣмъ, гдѣ ни взялися
Двѣ бабочки, сцѣпясь,
Вкругъ розъ и ихъ вилися,
Другъ за̀ другомъ гонясь:
Потомъ одна взлетѣла
Къ пастушкѣ на високъ,
Ища подругу, сѣла
Другая на кустокъ.

Пастухъ, на нихъ взирая,
Къ ихъ счастью ревновалъ
И, онымъ подражая,
Пастушку щекоталъ —
Все ставя то въ игрушки, —
За шею и бока,

Какъ будто бы съ пастушки
Сгонялъ онъ мотылька.

Ахъ! станемъ подражати,
Сказалъ онъ, свѣтъ мой, имъ,

И рѣзвость съединяти
Съ гуляніемъ своимъ;
И, бѣгая лѣсочкомъ,
Четѣ подобно сей —
Я буду мотылечкомъ,
Ты бабочкой моей.

Пастушка улыбалась,
Пастухъ ее лобзалъ:
Онъ млѣлъ, она смущалась,
Въ обоихъ жаръ пылалъ;
Потомъ, вскоча, помчались,
Какъ легки вѣтерки —
Сцѣплялися, свивались
И стали мотыльки.

(«Досуги», ч. I, Спб. 1772, стр. 74).

И. Ѳ. БОГДАНОВИЧЪ.

Въ автобіографической запискѣ своей, переходящей порой въ послужной списокъ, Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ сообщаетъ, что родился онъ въ Переволочнѣ въ 1743 г., записанъ на военную службу съ десяти-лѣтняго возраста, но, по окончаніи Университета, поступилъ на службу гражданскую. Далѣе идетъ перечисленіе этихъ службъ, ничего особенно интереснаго не представляющихъ (иныя изъ нихъ курьезны: такъ въ 1762 г. онъ участвовалъ въ коммиссіи о строеніи тріумфальныхъ воротъ, для которыхъ сочинялъ надписи). Съ мая 1795 г. уволенъ отъ службы. Записки прерываются на 1797 году. Умеръ въ Курскѣ, 6 января 1802 года.

Изъ той же записки явствуетъ, что онъ сыздѣтства пристрастился къ чтенію книгъ и музыкѣ, а съ четырнадцати лѣтъ сочинилъ уже нѣсколько духовныхъ концертовъ, «кои пѣты были съ похвалою». — «Особую знаемость» съ домами кн. М. И. Дашкова, А. Б. Нарышкина и Мих. Матв. Хераскова пріобрѣлъ онъ своими стихотворными опытами. Произведенія эти печатаемы были въ періодическихъ сочиненіяхъ при Университетѣ. Съ 1763 г., познакомившись съ кн. Ек. Ром. Дашковой, сталъ сотрудникомъ издаваемаго подъ ея покровительствомъ журнала «Невинное упражненіе» и другихъ.

Въ 1775 г. Богдановичъ «положилъ на алтарь Граціи», какъ выражается Карамзинъ, «свою Душеньку. Шесть или семь листовъ, безпечно брошенныхъ въ свѣтъ, перемѣнили обстоятельства жизни автора. Екатерина царствовала тогда въ Россіи; она читала «Душеньку» съ удовольствіемъ и ска-

зала о томъ сочинителю, что могло быть для него лестнѣе!... Признаніе таланта Императрицей вызвало признаніе его же со стороны вельможъ и стихотворцевъ. Авторъ «былъ на розахъ», какъ выражаются французы. Но многія блестящія знакомства отвлекли Богдановича отъ жертвенника Музъ въ самое цвѣтущее время таланта, и вѣнокъ «Душеньки» остался единственнымъ на головѣ его».

Нынѣ Богдановичъ почти совсѣмъ забытъ. «Душенька» представляется намъ прекрасной далекой фееріей. Яркія, порой мишурныя краски ея частью поблекли, и это придаетъ имъ своеобразную прелесть. Перебои въ языкѣ, нѣкоторыя въ немъ грубости и шероховатости, неодобрительно отмѣченныя послѣдующей критикой, не нарушаютъ этого очарованія, не рѣжутъ намъ ухо. Молодой русскій языкъ не могъ выдерживать порой изысканнаго, слегка картаваго тона заимствованной [1]) поэмы и капризно и властно диссонировалъ ей. То же и въ образахъ.

Стильной, дружной гирляндой окружаютъ Богдановича эпитафіи ему:

На урну преклонясь вечернею порою,
Амуръ невидимо здѣсь часто слезы льетъ
И мыслитъ, отягченъ тоскою:
Кто Душеньку такъ мило воспоетъ?
(Дмитріевъ)

Что вижу я? Амуръ и Душенька въ слезахъ
Другъ друга обнимаютъ,
И урну Граціи вѣнками украшаютъ;
Прохожій, не дивись: здѣсь Ипполитовъ прахъ.
(Вас. Пушкинъ)

---

[1]) «Душенька есть собственно переложеніе въ стихи прозаическаго разсказа Лафонтена: «Les amours de Psyché et de Cupidon», въ свою очередь заимствованнаго изъ «Золотого Осла» Апулея, обработавшаго древній греческій миѳъ объ Амурѣ и Психеѣ — сочетаніи души съ любовью.

Какъ писатель, Богдановичъ частью примыкалъ къ направленію псевдонародному. Приводимыя нами пѣсни одобрены еще Карамзинымъ, какъ отличающіяся замысломъ и вкусомъ; особенно: Мнѣ минуло 15 лѣтъ.... «истинная затѣйливость и нѣжная простота вкуса» равняетъ ее съ лучшими французскими пѣснями. Отмѣтимъ въ нихъ ихъ напѣвность. При жизни издана Богдановичемъ анонимно: «Лира, или собраніе разныхъ въ стихахъ сочиненій и переводовъ нѣкотораго Музъ любителя». Въ Спб. при Имп. Акад. Наукъ, 1773 г.

Тщательно составленную библіографію о Богдановичѣ см. въ «Русской Поэзіи» изд. Венгерова, вып. III, стр. 552 и вып. V (дополн. и прим.) стр. 7.

Изъ новѣйшихъ трудовъ о Богдановичѣ укажемъ на статьи А. Л. Слонимскаго въ «Литер. Вѣстн.», 1903 г. и «Филолог. Зап.» 1905 г., вв. I—IV.

ПѢСНЯ.

Много розъ красивыхъ въ лѣтѣ,
Много бѣленькихъ лилей,
Много есть красавицъ въ свѣтѣ,
Только нѣтъ мнѣ, нѣтъ милѣй,
Только нѣтъ милѣй въ примѣтѣ
Милой дорогой моей.

Если бъ самъ Амуръ былъ съ нею
Онъ ее бы полюбилъ:
Позабылъ бы онъ Психею
И себя бы позабылъ;
Счастливъ участью своею,
Вѣкъ остался бы безъ крылъ.

Въ ней пріятны разговоры
Въ ней любезна поступь, видъ;
Хоть привлечь не чтится взоры,
Взоры всѣхъ она плѣнитъ;
Хотъ нейдетъ съ другими въ споры,
Но вездѣ любовь живитъ.

(«Карманный Пѣсенникъ», 1796 г., ч. 1, № 4).

ПѢСНЯ [1]).

Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ,
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ:
Въ деревнѣ всѣ мои подружки
Разумны стали другъ отъ дружки;
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ. 2

Пригожей всѣ меня зовутъ:
Мнѣ надобно подумать тутъ,
Какъ должно въ полѣ обходиться,
Когда пастухъ придетъ любиться;
Мнѣ надобно подумать тутъ. 2

Онъ скажетъ: «я тебя люблю»,
Любовь и я ему явлю,
И тѣ жъ ему скажу три слова,
Въ томъ нѣтъ урона никакова;
Любовь и я ему явлю. 2

[1]) «Повѣстка Амурова о прибытіи его къ юному сердцу. Сочиненіе Автора Душеньки И. Богдановича. Голосъ изъявляющій любовь и невинность». — Нов. и полн. Русс. общенарод. пѣсенникъ. 1810, стр. № 70.

Мнѣ случай этотъ вовсе новъ,
Не знаю я любовныхъ словъ;
Попроситъ онъ любви задатокъ:
Что̀ дать? Не знаю я ухватокъ;
Не знаю я любовныхъ словъ. 2

Дала бъ ему я посохъ свой:
Мнѣ посохъ надобенъ самой;
И, чтобъ звѣрей остерегаться,
Съ собачкой мнѣ нельзя разстаться:
Мнѣ посохъ надобенъ самой. 2

Въ пустой и скучной сторонѣ
Свирѣлки также нужны мнѣ;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирѣлки также нужны мнѣ. 2

Я помню, какъ была мала,
Пастушка поцалуй дала.
Неужли пастуху въ награду
За прежнюю ему досаду,
Пастушка поцалуй дала? 2

Какая прибыль отъ того,
Я въ томъ не вижу ничего:

Не станетъ вѣрить онъ обману,
Когда любить его не стану;
Я въ томъ не вижу ничего. 2

Любовь, владычица сердецъ,
Какъ быть — научитъ наконецъ;
Любовь своей наградой платитъ
И даромъ стрѣлъ своихъ не тратитъ:
Какъ быть — научитъ наконецъ. 2

Пастушка говоритъ тогда:
Пускай пастухъ придетъ сюда;
Чтобъ не было убытка стаду,
Я сердце дамъ ему въ награду;
Пускай пастухъ придетъ сюда. 2

(«Россійская Эрата», Спб., 1792, ч. I, № 147).

ПѢСНЯ.

У рѣчки птичье стадо
Я съ утра стерегла;
Ой, Ладо, Ладо, Ладо!
У стада я легла.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси то га, га, га, га,
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Подъ кустикомъ лежала
Однешенька млада;
Устала я, вздремала,
Вздремала отъ труда.
А утки то кра, кра, кра, кра; и проч.

Подъ кустикомъ уснула,
Глядя по берегамъ;
За кустикъ не взглянула,
Не видѣла кто тамъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра и проч.

За кустикомъ таясь,
Иванушка сидѣлъ
И тамо, мнѣ дивяся,
Сквозь вѣточки глядѣлъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра и проч.

Онъ вѣточки и травки
Тихохонько склонилъ;
Прокрался сквозь муравки,
Какъ будто тутъ онъ былъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра и проч.

Почасту вѣтерочекъ
Дулъ платьице на мнѣ;
Почасту тамъ кусточекъ
Кололъ меня во снѣ.
А утки-то кра, кра, кра, кра и проч.

Мнѣ снилося въ то время,
Что ястребъ налетѣлъ
И птенчика отъ племя
Въ глазахъ унесть хотѣлъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра и проч.

Отъ ястреба поймала
Я птенчика сквозь сонъ:
Я птенчика прижала,

Прижался также онъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра и проч.

Сонъ грозный не собылся,
То былъ лишь сонный страхъ;
А въ явѣ очутился
Иванушка въ рукахъ.
А утки то кра, кра, кра, кра,
А гуси то га, га, га, га,
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

(«Карманный Пѣсенникъ», 1796 г. II № 1).

Темира нѣкогда велѣла
На голосъ пѣсенку сложить;
Темира съ жалобою пѣла,
Что скучно безъ любови жить.

Тебя ль бѣжитъ любовь, Темира?
Амуръ, услыша то, сказалъ:
Тебѣ ль скучать печальми міра?
Тебѣ я лукъ и стрѣлы далъ.

Я скукамъ запретилъ касаться
Тобой украшеннымъ мѣстамъ;
Гдѣ ты желаешь утѣшаться,
Вездѣ присутствую я тамъ.

Твоей улыбкой ободренна
Природа вся смѣется вкругъ:
Твоимъ весельемъ восхищенна
Сама печаль запляшетъ вдругъ.

(«Избранный пѣсенникъ», Спб., 1792, ч. II, № 135).

Е. И. КОСТРОВЪ.

Ермилъ Ивановичъ Костровъ (род. 1750 г.) происходилъ изъ экономическихъ крестьянъ. Образованіе получилъ въ Вятской семинаріи, затѣмъ (1775 г.) въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи и Московскомъ университетѣ и былъ, такъ сказать, оффиціальнымъ его стихотворцемъ, воспѣвавшимъ разные торжественные случаи. Въ 1789 г. было учреждено при университетѣ Общество любителей учености, и Костровъ сталъ его членомъ. Вслѣдствіе «обаянія Бахусова» былъ неудачникомъ въ жизни и умеръ въ 1796 году.

Въ поэтической дѣятельности Кострова, біографъ его, П. О. Морозовъ [1]), различаетъ два періода. Въ первомъ онъ является подражателемъ Ломоносова въ хвалебной одѣ, а съ 1784 г. сталъ писать проще и лучше подъ вліяніемъ Державина («Ода Фелицѣ» появилась въ 1782 г.). Костровъ былъ высоко цѣнимъ современниками, какъ поэтъ и, особенно, какъ переводчикъ Иліады [2]), переведшій ее звоннымъ александрійскимъ стихомъ, не лишеннымъ величественности. Любовная лирика Кострова довольно скудна. Образы трафаретны. Предлагаемыя стихотворенія — передѣлки съ французскаго.

---

[1]) «Ермилъ Ивановичъ Костровъ», Воронежъ, 1876 г.

[2]) Гомерова Иліада, переведенная Ермиломъ Костровымъ. Во градѣ Св. Петра. 1787. 4º — первыя шесть пѣсень; еще три пѣсни, найденныя послѣ смерти его, напечатаны въ «Вѣстн. Евр.», 1811 г., ч. LVIII, №№ 14 и 15.

КЛЯТВА.

На листочкѣ алой розы
Я старалась начертить
Милу другу, въ знакъ угрозы,
Что не буду ввѣкъ любить,
Чѣмъ бы онъ меня ни льстилъ,
Что бы мнѣ ни говорилъ.
Чуть окончить я успѣла,
Вдругъ повѣялъ вѣтерокъ:
Онъ унесъ съ собой листокъ —
Съ нимъ и клятва улетѣла.

(Карманный пѣсенникъ, 1796, ч. I, № 20).

ПѢСНЯ.

Прости, любезный мой пастухъ,
КѢмъ грудь моя всегда пылала,
Прости! оставлю здѢшній лугъ,
ГдѢ каждый день съ тобой бывала,
ГдѢ восхищался страстью духъ,
И нѢжность съ нѢжностью играла

Уединясь на брегъ другой,
Я стану повторять всечасно,
Что я однимъ горю тобой;
Но стану повторять несчастно:
Къ тебѢ плачевный голосъ мой
Не дóйдетъ..... полетитъ напрасно.

Но ты не плачь, не плачь, мой свѢтъ.
Не долго буду въ томной скукѢ:
Ты знаешь — смерть конецъ всѢхъ бѢдъ,
Конецъ страданія и мукѢ —
И мнѢ, мнѢ жить надежды нѢтъ,
Коль буду я съ тобой въ разлукѢ.

(Полн. Собр. всѢхъ сочин. и перев. въ стих. ч. I. Спб. 1802, стр. 195).

Н. П. НИКОЛЕВЪ.

Николай Петровичъ Николевъ (род. 1758 г.) — родственникъ княгини Екат. Ром. Дашковой, получилъ подъ ея покровительствомъ блестящее, по тому времени, воспитаніе, что дало ему возможность вращаться въ высшемъ кругу. Въ 1770 г. онъ поступилъ въ гвардію и въ томъ же году положилъ начало своей литературной дѣятельности. Но военную службу ему пришлось покинуть 20-ти лѣтъ, вслѣдствіе слѣпоты, и въ мракѣ безвременно наступившей ночи ему мерцала лишь звѣзда поэтической славы. Да, имя Николева въ свое время свѣтилось ярко на челѣ нашей литературы. Помимо, такъ сказать, оффиціальнаго признанія его заслугъ (съ 1792 г. онъ былъ избранъ членомъ Россійской Академіи, а съ 1811 г. почетнымъ членомъ Общества любителей русской словесности при Имп. Моск. Унив., и неоднократно былъ награждаемъ царскими подарками), начинающіе писатели приходили къ нему на поклоненіе и величали его «великимъ Николевымъ». Ежегодно въ день его кончины (ум. 1815 г.) почитатели устраивали торжественное собраніе въ память усопшаго поэта.

«Творенія» Николева вышли въ 1795 — 98 гг. въ 5-ти томахъ, изъ которыхъ V-й посвященъ, главнымъ образомъ, любовной лирикѣ.

Въ печати Николевъ выступилъ трагедіей «Сорена и Замиръ» [1]).

---

[1]) См. о ней А. П. Кадлубовскій, «Сорена и Замиръ Николева и трагедіи Вольтера». Изв. отд. рус. яз. и сл. при Имп. Акад. Наукъ, 1907 г., ч. XII, кн. 1.

Какъ писатель-лирикъ онъ стоитъ на перепутьи между Сумароковымъ и Державинымъ. Съ 1-мъ онъ имѣетъ общаго — высокую оцѣнку и даже переоцѣнку своихъ дарованій и заслугъ въ поэзіи. Если болѣе позднихъ писателей это самопризнаніе поражало, то намъ, въ перспективѣ, оно кажется естественнымъ. Понятіе: писатель, авторъ, творецъ еще не установилось и надо было постоянно напоминать о немъ и о его достоинствахъ, дабы оберечься отъ посягательствъ. — Отъ Сумарокова же унаслѣдовалъ онъ и литературные прецепты (въ свою очередь заимствованные первымъ у Буало), коимъ слѣдовалъ. Предначертанные способы, какъ и что писать, значительно обезличивали, обезцвѣчивали творчество; обезличивали настолько, что если-бы Николевъ не упоминалъ о томъ, что онъ ослѣпъ 20-ти лѣтъ, то мы по произведеніямъ его не могли бы замѣтить, что авторъ ихъ — слѣпецъ. Оттѣнковъ, свѣтотѣней не было, были даны краски, и сказано было, когда и гдѣ ихъ прилично употреблять.

L'aveugle clairvoyant, называлъ имп. Павелъ Николева. Въ лирикѣ же немудрено ему было оказываться таковымъ.

Любящее сопоставленія, время нарекло его за слѣпоту Россійскимъ Мильтономъ.

Итакъ, прецепты взяты у Сумарокова.

Но съ другой стороны нарождалась и иная лирика, болѣе простая, болѣе задушевная, блещущая искрами народнаго, русскаго духа — раздался голосъ Державина.

Николевъ оцѣнилъ эту лирику, богатую смысломъ, а не «кудрявыми словами» и попробовалъ и въ этомъ стилѣ. «Съ 1788 г., говоритъ Глинка, онъ промѣнялъ лиру на гудокъ», правда гудокъ его былъ какой-то бутафорскій, но и на этомъ странномъ инструментѣ онъ умудрился спѣть нѣсколько пѣсенъ, имѣвшихъ большой успѣхъ.

См. о немъ: А. А. Чебышевъ. «Н. П. Николевъ». Воронежъ. 1891, 8°, 58 стр. (Оттискъ изъ «Филолог. Записокъ»).

ПѢСНЯ.

Многи годы миновались
Какъ родилась я на свѣтъ;
Люди многи любовались,
Видя мой румяной цвѣтъ.

Говорили: ты, дѣвица,
И статна, и хороша!
Нашихъ ты сердецъ царица,
Щастье, радость и душа.

Вѣкъ тебя не перестанемъ
Почитать мы и любить;
Вѣчно — вѣчно не устанемъ
Красоту твою хвалить.

Я повѣрила народу,
Въ чисту рѣчку поглядясь;
Полюбила свѣтлу воду
Я сама въ себя влюбясь.

Умывалась день и ношно,
Не спуская глазъ съ себя;
Но одной мнѣ стало тошно...
Милой!.. не было тебя.

Я, тебя не видя съ роду,
Пожелала быть съ тобой
И смотрѣлась въ чисту воду,
Чтобъ плѣнить тебя собой.

Сердце будто прежде знало,
Что тебѣ лишь имъ владѣть;
Безпрестанно трепетало,
Милымъ силилось горѣть.

Ахъ! чего, чего хотѣла,
То сбылося все со мной:
Друга милова узрѣла,
Раздѣлилась я съ собой!..

Съ нимъ сошлася — и явилось
Все веселье дней моихъ;

Сердце вздрогнуло — забилось,
И вспыхнуло въ тотъ же мигъ.

Вотъ твой милой! — говорило,
Онъ родился для тебя;
Навсегда я подарило,
Навсегда ему себя.

Съ той минуты повинуюсь
Сердца слову, милой мой!
Съ той минуты я любуюсь
Милымъ — милымъ, не собой.

(Творенія, ч. V. М. 1798, стр. 173).

ПѢСНЯ.

Вечеркомъ румяну зорю
Шла я съ грусти посмотрѢть,
А пришла все къ прежню горю,
Что велитъ мнѢ умереть.

Горе къ рѢчкѢ заманило,
СѢла я на бережокъ;
Сердце пуще пріуныло,
Мутенъ чистой сталъ потокъ.

Я, вздохнувши, тутъ сказала:
Лейся, рѢчка, какъ слеза!
А сказавши показала
Полны слезъ мои глаза.

Струйки чисты зашумѢли,
Будто сжалясь надо мной,
Но утѢшить не умѢли,
И осталась я съ тоской!

О души моей веселье,
Для кого мнѣ жизнь мила!
Я послѣдне ожерелье
За тебя бы отдала.

А когда бъ была богатой
И большою госпожей,
Всѣ алмазы были бъ платой
За свиданіе съ тобой.

Какъ сокровища я свѣта
Берегу къ тебѣ любовь;
Ею лишь во мнѣ нагрѣта
Будто пламенемъ вся кровь.

Горячѣе солнца знойна
Сердце къ милому горитъ,
А душа лишь тѣмъ покойна,
Что въ себѣ его хранитъ.

Васъ, струйки мои любезны,
Васъ прошу въ тоскѣ моей! —
Донесите капли слезны
Вы до милова скорѣй.

Донесите — пусть узнаетъ,
Сколько рвуся я по немъ

Сколько сердце унываетъ
О сокровищѣ своемъ!

Такъ скажите — но съ тоскою
Хоть и много видишь слезъ,
А не всѣ, не всѣ съ собою
До тебя потокъ донесъ.

Ихъ еще осталось море
Безъ тебя ей проливать;
А въ отраду — въ лютомъ горѣ
Дорогова призывать.

Но напрасно въ васъ, потоки,
Погружаю голосъ мой;
Вамъ пути хотя широки,
Стонъ останется со мной!

Сколько чистыхъ струй ни вьете
Быстрымъ бѣгомъ въ берегахъ,
Слезъ моихъ не унесете,
Все онѣ въ моихъ очахъ!

(Творенія, ч. V. М. 1798, стр. 204).

П. ПЕЛЬСКІЙ.

Петръ Аѳанасьевичъ Пельскій — одинъ изъ незначительныхъ поэтовъ послѣдней четверти XVIII вѣка — род. въ 1765 г.; въ литературу выступилъ еще въ бытность свою въ Московскомъ университетѣ; впослѣдствіи занималъ въ Москвѣ должность цензора. — Стихотворенія его печатались въ «Вечерней Зарѣ» (1782 г.), въ «Пріятн. и полезн. препровожд. времени» (1795 г.) и въ «Аонидахъ» (1796 — 99 г.г.). — Главной его дѣятельностью были переводы съ французскаго — между прочимъ перевелъ онъ «Эрмитажный театръ великія Екатерины». Умеръ Пельскій скоропостижно въ маѣ 1803 г., и кончина его оплакана Карамзинымъ въ стихотвореніи, приложенномъ къ посмертному сборнику его мелкихъ сочиненій «Мое кое-что» (М., 1803).

О немъ см. статью В. И. Саитова въ Русск. біогр. слов. Половцева; тамъ же исчерпана и крайне скудная библіографія.

ЛЮБОВЬ и ДРУЖБА.

ТРІОЛЕТЫ.

Въ любовь коль дружба обратится —
Прости, спокойство нашихъ дней!
Тоскою жизнь вся отравится,
Въ любовь гдѣ дружба обратится.
Премѣны сей пусть всякъ страшится!
Сердецъ союзъ опасенъ сей.
Въ любовь гдѣ дружба обратится,
Прости, спокойство нашихъ дней!

Любовь коль въ дружбу обратится,
Прости, утѣха нашихъ дней!
Унынье, томность тутъ родится,
Любовь гдѣ въ дружбу обратится;
Веселье скукой замѣнится,
Страшитеся премѣны сей.
Любовь гдѣ въ дружбу обратится,
Прости, утѣха нашихъ дней!

(«Аониды», II, 1797. М. стр. 66).

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ (1743—1816) [1].

Заслуги Державина, какъ лирическаго поэта, громадны и общепризнаны. Торжественная лирика бездушная, высокопарная, интернаціональная у его предшественниковъ и современниковъ смѣнилась у него лирикой болѣе умѣреннаго темпа, но зато болѣе художественной и болѣе искренней, а главное русской, какъ по языку, такъ по настроенію и содержанію; недаромъ творенія его называютъ поэтической лѣтописью царствованія Екатерины.

Интимную лирику, захожую съ Запада, пытался онъ также обрусить, правда не столь удачно, но значительно опередивъ попытки современниковъ. Отмѣтимъ еще вліяніе на эту лирику классическихъ образцовъ (Горацій, Анакреонъ), съ коими Державинъ ознакомился благодаря Каннисту и Львову.

[1]) Въ виду общеизвѣстности біографія не приводится. См. академическое изд. Державина Т. VIII біографія поэта, составл. акад. Я. К. Гротомъ; въ Т. IX дана обширная библіографія.

ПЧЕЛКА.

Пчелка златая,
Что ты жужжишь?
Все вкругъ летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
Въ желтыхъ власахъ,
Розы ль огнисты
Въ алыхъ устахъ,
Сахаръ ли бѣлый
Грудь у нея?

Пчелка златая,
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
Къ меду прилипнувъ,
Съ нимъ и умру.

(«Аониды», 1797 г., ч. II, стр. 150).

СОЛОВЕЙ ВО СНѢ [1]).

Я на холмѣ спалъ высокомъ,
Слышалъ гласъ твой, Соловей;
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Внятенъ былъ душѣ моей:
То звучалъ, то отдавался,
То стеналъ, то усмѣхался
Въ слухѣ издалече онъ, —
И въ объятіяхъ Калисты
Пѣсни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкій сонъ.

Если по моей кончинѣ,
Въ скучномъ безконечномъ снѣ,
Ахъ! не будутъ такъ, какъ нынѣ,
Эти пѣсни слышны мнѣ,
И веселья и забавы
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
Не услышу больше я:
Стану жъ жизнью наслаждаться,
Чаще съ милой цѣловаться,
Слушать пѣсни соловья.

(«Анакр. пѣсни», 1804 г., стр. 72).

---

[1]) Написано безъ буквы *р*. — Время написанія — 1797 годъ.

СКРОМНОСТЬ [1]).

Тихій, милый вѣтерочекъ,
Коль порхнешь ты на любезну,
Какъ вздыханье ей въ ушко шепчи.
Если спроситъ, чье? — молчи.

Чистый, быстрый ручеечекъ,
Если встрѣтишь ты любезну,
Какъ слезинка, ей въ лицо плещи.
Если спроситъ, чья? — молчи.

Ясный, ведреный денечекъ,
Какъ освѣтишь ты любезну,
Взглядовъ пламенныхъ ей брось лучи,
Если спроситъ, чьи? — молчи.

Темный миртовый лѣсочекъ,
Какъ сокроешь ты любезну,
Тихо вѣткой грудь ей щекочи.
Если спроситъ, кто? — молчи.

(Подраж. Метастазію «Анакреонт. пѣсни», 1804, стр. 77).

---

[1]) Въ Объясненіяхъ Державина время сочиненія этого стихотворенія обозначено 1795 годомъ.

ПАРАШѢ [1]).

Бѣлокурая Параша,
Сребророзова лицомъ,
Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ

Ты, которой повторяетъ
Звучну арфу нѣжный гласъ,
Какъ Палаша ударяетъ
Въ струны, утѣшая насъ.

Встань, пойдемъ на лугъ широкой,
Мягкій, скатистый къ прудамъ;
Тамъ подъ сѣнью древъ далекой
Сядемъ, взглянемъ по струямъ.

---

[1]) Праск. Мих. Бакунина — родственница Державина. Палаша — сестра ея Пелагея.

Какъ, скользя по нимъ, сверкаетъ
Лучъ отъ царскихъ теремовъ [1]),
Звѣзды, солнцы разсыпаетъ
По тѣнямъ между кустовъ.

Какъ за сребряной плотицей
Линь златой по дну бѣжитъ,
За прекрасною дѣвицей,
За тобой Амуръ летитъ.

(«Анакреонт. Пѣсни», 1804 г., стр. 82).

[1]) Стихотв. написано въ Гатчинѣ.

ЦѢПИ [1]).

Не сѣтуй, милая, со груди что твоей
Сронила невзначай ты цѣпи дорогія:
Милѣе вольности нѣтъ въ свѣтѣ для людей;
Оковы тягостны, хотя они златыя.

Такъ наслаждайся жъ здѣсь ты вольностью святой,
Свободною живя, какъ вѣтерокъ въ полянкѣ;
По рощамъ пролетай, кропися водъ струей,
И чѣмъ въ Петрополѣ, будь счастливѣй на Званкѣ.

А если и тебѣ подъ бремя чьихъ оковъ
Подвергнуться велитъ когда либо природа —
Смотри, чтобъ ихъ плела любовь лишь изъ цвѣтовъ;
Пріятнѣй этотъ плѣнъ, чѣмъ самая свобода.

(«Анакр. пѣсни», 1804 г. стр. 100).

---

[1]) Написано на Званкѣ (имѣніи Державина) по случаю потери Анной Мих. Бакуниной золотой цѣпочки.

АЛЕКСАНДРЪ РАДИЩЕВЪ.

Въ виду общеизвѣстности напомнимъ только вкратцѣ біографическія данныя объ Александрѣ Николаевичѣ Радищевѣ. Онъ родился въ Москвѣ 1749 г. Получивъ прекрасное образованіе дома и въ пажескомъ корпусѣ, онъ довершилъ его въ Лейпцигскомъ университетѣ, куда былъ отправленъ въ числѣ 120 молодыхъ дворянъ по повелѣнію Екатерины. Вернувшись на родину въ 1771 г. онъ занималъ рядъ разнообразныхъ должностей, причемъ неизмѣнно отличался прямотой сужденія, твердостью и безкорыстіемъ. — Вскорѣ по выходѣ его первой книги «Житіе Ф. В. Ушакова» послѣдовало и роковое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (1790 г.), за которое онъ былъ сосланъ въ Сибирь, возвращенъ Павломъ I и окончательно помилованъ лишь при Александрѣ I. Будучи опредѣленъ въ коммиссію о составленіи законовъ, Радищевъ подалъ общій проектъ законодательныхъ преобразованій, всецѣло согласовавшійся съ авторомъ, проникнутымъ духомъ «просвѣщенія» XVIII в. и французской философіи. Проектъ былъ отвергнутъ, и Радищевъ отравился 12 сентября 1802 года.

Скромное, невидное мѣсто занимаетъ Радищевъ - поэтъ въ исторіи нашей литературы... Критика продолжаетъ хранить молчаніе о его стихотворной дѣятельности, да и говорить то пришлось бы о немногомъ: все его поэтическое творчество ограничивается «богатырскою повѣстью — Б о в а» и

небольшимъ количествомъ разнородныхъ стихотворныхъ произведеній, — отмѣтимъ между ними оду «Вольность» [1]), и особенно «XVIII-е столѣтіе», высоко оцѣненное и Пушкинымъ, вообще очень сурово и даже рѣзко отзывавшемся о литературныхъ дѣтищахъ Радищева.

Библіографія Радищева очень обширна, но вся касается его общественной дѣятельности, исключая 2-хъ статей Пушкина.

[1]) Впервые воспроизведенную въ «Русск. Поэзіи» Венгерова по рукописи Ефремова.

САФИЧЕСКІЯ СТРОФЫ.

Ночь была прохладная, свѣтло въ небѣ
Звѣзды блещутъ, тихо источникъ льется,
Вѣтры нѣжны вѣютъ, шумятъ листами
Тополи бѣлы.

Ты клялась вѣрною быть во вѣки
Мнѣ, богиню нощи дала порукой;
Сѣверъ хладный дунулъ одинъ разъ крѣпче,
Клятва исчезла.

Ахъ, почто быть клятвопреступной! Лучше
Будь всегда жестока, то легче будетъ
Сердцу. Ты, маня лишь взаимно страстью,
Ввергла въ погибель.

Жизнь прерви, о рокъ, рокъ суровый, лютый!
Иль вдохни ей вѣрной быть въ клятвѣ данной.
Будь блаженна, если ты можешь только
Быть безъ любови.

(«Иппокрена». 1801, ч. X, стр. 288).

Кн. Е. УРУСОВА.

... Въ кратчайши времена Россія процвѣла,
Расиновъ, Пиндаровъ она произвела.

. . . . . .

... И чтобы окружить священныхъ Музъ престолъ,
То началъ воспѣвать у насъ и женскій полъ:
Они (sic) ко нѣжностямъ во пѣсняхъ прибѣгаютъ
И добродѣтелямъ вѣнцы приготовляютъ,
Съ пріятностью они веселости поютъ
И дѣйствія страстей почувствовать даютъ;
Въ Россіи видимы Сапѳоны, де ла Сюзы...
(Ироиды, Музамъ посвященныя. Спб. 1777 г.).

Едва ли не почетное мѣсто занимаетъ между ними авторъ вышеприведенныхъ стиховъ — княжна Екатерина Сергѣевна Урусова (род. 1747 г.). За ними она «стремится»

... «О вы, прелестны Музы,
Ко одобренію для пѣсенъ красоты,
Разсыпте предо мной парнасскіе цвѣты».

Взлелѣивать «парнасскіе цвѣты» ей помогалъ «россійскій Гомеръ» — Херасковъ, онъ былъ руководителемъ ея «робкой Музы», онъ «направлялъ ея Пегаса на Парнасъ» [1].

---

[1]) Въ сборн. Рубана «Старина и Новизна» напечатанъ между прочимъ «Совѣтъ Хераскова кн. Урусовой» и ея отвѣтъ ему.

Помимо значительнаго количества разнообразныхъ мелкихъ произведеній, напечатанныхъ въ «Нов. ежемѣс. Сочин.», «Аонидахъ» (1796 г.) и «Новостяхъ» (1799 г.) ея перу принадлежитъ еще «Поліонъ, или просвѣтившійся нелюдимъ, поема. Въ Спбургѣ, 1774» и извѣстное въ свое время «письмо П. А. Еропкину», М., 1772.

Въ 1811 г. княжна была избрана почетнымъ членомъ Бесѣды любителей русскаго слова.

Свѣдѣнія о ней и подробный списокъ трудовъ см. «Дамскій Журн.» 1830 г., ч.ч. 29, 30, 31; Ник. Книжникъ «Словарь русск. писательницъ (1759 — 1859)». М. 1865, стр. 815; Губерти, Хронол. обозр. русск. книгъ; «Русск. Арх.», 1865 г., стр. 1215 и Сочин. Державина, изд. Имп. Ак. Наукъ — по указателю.

ПАСТУШКА И ЭХО.

Пастушка. Эхо.

Какъ розы здѣсь растутъ между лѣсами? — сами.
Кто мнѣ отвѣтствуетъ, себя въ лѣсу тая? — я.
Знать духи здѣсь живутъ и это неотложно. — ложно.
Уйду, не духи то; но голосъ лишь пустой, — стой!
Я чаю, эхо, ты мнѣ въ рощѣ отвѣчаешь — чаешь?
Конечно, ты вело съ полей меня сюда, — да!
Мнѣ долго говорить съ тобою невозможно, — можно.
Нѣтъ! нѣтъ! пойду искать овечку я къ ручью; — чью?
Моя овечка тамъ; и можетъ быть пропала, — пала.
Увы! такъ нѣтъ ея!... мертва и не дохнетъ? — нѣтъ.
Плачь, эхо, обо мнѣ! овечку я оплачу; — плачу,
Тамъ пала знать она, гдѣ тернія растутъ? — тутъ.
Пойду; о, голосъ мой! исчезни, пропади... — поди.

(«Новости», 1799 г. Спб. кн. IV, стр. 323).

ВАСИЛІЙ КАПНИСТЪ.

Василій Васильевичъ Капнистъ родился въ 1757 г. въ селѣ Обуховкѣ Миргородскаго уѣзда, Полтавской губ., происходилъ изъ знатнаго рода Стомателло-Капниссп. Первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ матери. Съ 1772 г. поступилъ въ военную службу, въ свободное время отъ коей знакомился съ науками и отечественными писателями. Вскорѣ послѣ 1775 г. вышелъ въ отставку и пошелъ по гражданской службѣ, гдѣ занималъ рядъ разнообразныхъ должностей. Между прочимъ, съ 1799 г. по 1801 г. причисленъ къ театральной дирекціи и получилъ въ завѣдываніе русскую труппу. Умеръ въ 1822 г. въ Обуховкѣ, гдѣ неоднократно подолгу проживалъ.

Литературный кружокъ Львова, Хемницера, Богдановича и Державина былъ ему близокъ. Особенно близокъ былъ онъ съ послѣднимъ (онъ былъ его свояком) и оказалъ на его творчество сильное вліяніе. Въ началѣ XIX вѣка въ кружкѣ Оленина сблизился съ Гнѣдичемъ и частью примкнулъ къ тому зарождающемуся въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вв. направленію, которое посвятило себя разработкѣ классиковъ и переводамъ ихъ. Направленіе это зародилось въ концѣ XVIII вѣка, какъ противовѣсъ черезчуръ рабствующему салонно-французскому теченію въ литературѣ и укрѣпилось въ началѣ XIX вѣка по мѣрѣ того, какъ съ возвышеніемъ Наполеона симпатіи наши къ французской литературѣ стали замѣтно хладѣть, и подражаніе классикамъ являлось какъ бы обороной противъ всего французскаго, хотя бы и въ литературѣ. Пониманіе ихъ у Капниста шло не

дальше уровня образованнѣйшихъ людей его времени. Изъ литературныхъ трудовъ Капниста (выступилъ онъ въ 1775 г.) отмѣтимъ Сатиру первую, надѣлавшую въ свое время много шуму. Не менѣе извѣстны Ода на рабство (1783 г.) и на истребленіе въ Россіи званія раба Екатериной II. Стихотворенія его печатались въ разныхъ журналахъ и пѣсенникахъ того времени. Въ 1796 г. Капнистъ издалъ свои сочиненія. 22 августа 1798 г. появилась на сценѣ всѣмъ извѣстная «Ябеда». Въ 1806 г. изданы Лирическія произведенія Капниста и еще разъ переизданы Смирдинымъ въ 1849 году.

Полное собраніе сочиненій Капниста о сю пору не выходило, какъ нѣтъ и изслѣдованій объ немъ, какъ о поэтѣ [1]). Бумаги его хранятся въ библіотекѣ Имп. Акад. Наукъ.

Меланхолическая, мечтательная, дѣвственно-чистая муза Капниста стоитъ какъ-бы особнякомъ въ предверіи новыхъ литературныхъ направленій. Самое время расцвѣта его литературнаго таланта вѣдь было время чаяній, а не направленій. Лирика его болѣе интимна, болѣе задушевна. Темы: смерть и рѣже — любовь. Здѣсь неистоваго пыланія любовнаго не встрѣтимъ, оно смѣняется томными напѣвами. Круглую, безстыжую пасторальную луну, «котора таковы дѣла привыкла зрѣти» [2]) или стыдливо закрывается облачкомъ, когда время приспѣетъ, смѣняетъ блѣдная луна — «сердецъ чувствительныхъ подруга». Краски отъ ея серебрянаго свѣта блекнутъ; нѣтъ черезчуръ яркихъ розъ пасторали. Это царство заунывныхъ трелей соловья, царство сердечныхъ переживаній, не яркихъ, правда, не глубокихъ, но искреннихъ. Такова лирика Капниста.

---

[1]) Библіографія о Капнистѣ исчерпана въ статьѣ В. И. Саитова въ «Русской Поэзіи» изд. Венгерова, вып. IV. стр. 725; о немъ же ibid. вып. VI, стр. 210. — Отмѣтимъ еще Воспоминанія С. В. Скалонъ (урожд. Капнистъ). Истор. Вѣстн., т. XLIV, 1891, стр. 348.

[2]) Сумароковъ. Сочин. т. VIII. Эклога XIV. «Евгенія». М. 1781 г.

НАПРАСНЫЯ СЛЕЗЫ.

Когда на розу взглянешь,
Себя къ ней примѣни;
Пчелу на ней застанешь,
О мнѣ воспомяни: —

Она не жалитъ розы,
Лишь сладкій медъ сосетъ:
Къ чему жъ твой стонъ и слезы? —
И я бъ сосалъ лишь медъ.

КРАСАВИЦѢ.

Зачѣмъ, какъ мотылекъ,
Съ цвѣточка на цвѣтокъ
Анакреонъ безпечно
Весь вѣкъ свой пролеталъ? —
Такой, какъ ты, конечно,
Онъ розы не сыскалъ.

(Лирич. сочин. Спб. 1806, стр. 235).

СИЛУЭТЪ.

Твой образъ въ сердцѣ врѣзанъ ясно;
На что жъ мнѣ тѣнь его даришь?
На то-ль, что жаръ любови страстной
Ты дружбой замѣнить велишь? —
Но льзя ль велѣнью покориться:
Изъ сердца рвать стрѣлу любви?
Лишь смертью можетъ потушиться
Текущій съ жизнью огнь въ крови,

Возьми жъ обратно даръ напрасный; —
Ахъ! нѣтъ, оставь его, оставь.
Въ судьбинѣ горестной, злосчастной,
Еще быть счастливымъ заставь;
Позволь надеждой сладкой льститься,
Смотря на милыя черты,
Что какъ твоя въ нихъ тѣнь хранится,
Хоть тѣнь любви хранишь и ты.

(Лирич. сочин. Спб. 1806, стр. 236).

ВЗДОХЪ.

Съ Миленой позднею порою,
Подъ тѣнью скромнаго лѣска,
Мы видѣли, какъ межъ собою
Два разыгрались голубка.
Любовь моя воспламенилась;
Душа на языкѣ была;
Но, полна страстью грудь стѣснилась,
И рѣчь со вздохомъ умерла.

Увы! почто жъ уста нѣмѣли,
И тайны я открыть не могъ?
Но если бъ разумѣть хотѣли,
Не все ль сказалъ ужъ этотъ вздохъ?
И нужно ль клятвы, часто ложны,
Всегда любви въ поруки брать?
Глаза въ душѣ все видѣть должны,
И сердце сердцу вѣсть давать.

(«Аониды», 1798, — 9, ч. III, стр. 20).

КАМЕЛЕКЪ.

Вчера я въ теремѣ Эльвиры
Одинъ у камелька сидѣлъ
И на струнахъ ей милой лиры
Горацiевы пѣсни пѣлъ.

Давалъ совѣтъ онъ Левконоѣ
О будущемъ не ворожить,
Въ веселости, въ любви, въ покоѣ
Лишь настоящимъ часомъ жить.

Но между тѣмъ, какъ я распѣлся
И позабылъ летящiй часъ,
Безъ дровъ, покуда осмотрѣлся,
Тихохонько огонь погасъ;

Эльвира! скрывъ на сердцѣ рану,
Давно горю любовью я:
Когда одинъ горѣть я стану,
Погаснетъ скоро жизнь моя.

(Лирич. сочин. Спб. 1806, стр. 172).

НА СМЕРТЬ ЮЛІИ.

Уже со тьмою нощи
Простерлась тишина,
Выходитъ изъ за рощи
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Пѣть скорбь, объявшу духъ, —
Приди грустить со мною,
Луна! печальныхъ другъ.

У хладной сей могилы
Подъ тѣнью древъ густыхъ,
Внемли мой вопль унылый
И вздоховъ стонъ моихъ.
Здѣсь Юліи любезной
Прахъ милой погребенъ.
Я лить надъ нимъ токъ слезной
Навѣки осужденъ.

Подобно розѣ нѣжной
Ты, Юлія, цвѣла
И въ жизни сей мятежной
Мнѣ другъ, мнѣ все была.
Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать,
Иль, скорбью духъ терзая,
Всечасно умирать.

Но пѣсни сей плачевной
Прервать я долженъ стонъ;
Слезами омоченной
Нѣмѣетъ лиры звонъ.
Безмолвною тоскою,
Сильнѣй тѣснится духъ! —
Приди-жъ грустить со мною,
Луна! печальныхъ другъ.

(«Карманный пѣсенникъ», 1796, ч. I, № 22).

СКРОМНОЕ ПРИЗНАНІЕ ВЪ ЛЮБВИ.

Ахъ! пойду, разсѣю скуку
По лѣсочкамъ, по лугамъ;
Тайную, сердечну муку
Эхамъ томнымъ передамъ.

Томны эхи! повторите
Скромну жалобу мою:
Другу милому скажите,
Что по немъ здѣсь слезы лью.

Пусть хотя чрезъ Васъ узнаетъ
То, чего сказать нѣтъ силъ:
Что по немъ душа страдаетъ,
Безъ него и свѣтъ не милъ.

Эхи! пристально внимайте:
Если милой мой вздохнетъ,
Вздохъ скорѣй мнѣ передайте! —
Сердце лишь отвѣта ждетъ.

(Лирич. сочин. Спб. 1806).

Ю. А. НЕЛЕДИНСКІЙ МЕЛЕЦКІЙ.

Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, сынъ знатнаго вельможи-вольтерьянца, родился въ Москвѣ въ 1752 г. Первоначальное воспитаніе получилъ у бабушекъ — урожд. Талызиной и кн. Куракиной. Здѣсь познакомился онъ съ французскимъ языкомъ и литературой. Въ 1769 — 70 гг. посланъ родными учиться въ Страсбургскій университетъ. По возвращеніи на родину онъ избралъ военное поприще и участвовалъ, между прочимъ, въ Турецкой кампаніи. Выйдя въ 1785 г. въ отставку, поселился въ Москвѣ, гдѣ сблизился съ Дмитріевымъ и Херасковымъ, а особливо съ кн. Вяземскимъ, отцомъ поэта. Здѣсь занималъ онъ мѣсто директора главнаго народнаго училища. Императоръ Павелъ, по воцареніи своемъ, приблизилъ къ себѣ знакомца юности своей — Нелединскаго; по смерти же государя, мы видимъ его сенаторомъ въ Москвѣ, откуда онъ выѣхалъ во время Отечественной войны въ Вологду и Ярославль, а въ 1815 г. переселился въ Петербургъ. Благодарная память о Павлѣ и тѣсныя дружескія отношенія привязывали Нелединскаго къ вдовствующей императрицѣ. Удалившись отъ дѣлъ въ 1826 г., онъ переселился къ дочери, кн. Оболенской, въ Калугу, гдѣ и умеръ черезъ два года.

Литературное наслѣдіе послѣ Нелединскаго невелико: нѣсколько десятковъ стихотвореній на случаи и пѣсенокъ — переводныхъ и оригинальныхъ. Отмѣтимъ еще переводъ отрывка изъ Вольтеровой «Заиры».

О немъ см. «Хроника недавней старины изъ архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго». Спб. 1876 г.

Въ творчествѣ Нелединскаго различаемъ двѣ струи. Одна — салонно-французская — дѣлаетъ его непосредственнымъ продолжателемъ Сумарокова. Правда, за 30 лѣтъ со времени появленія Сумароковскихъ романсовъ, языкъ русскій сталъ болѣе гибокъ, болѣе эластиченъ, и «изящно-нѣжныя пѣсенки нашего, счастливаго Шолье и Анакреона» — Нелединскаго, мало походятъ, при бѣгломъ взглядѣ на бурныя воздыханія и стенанія первоначальныхъ французско-русскихъ романсовъ, но филіація образовъ и идей имѣется. Можно сказать, что съ Нелединскимъ и отмеръ этотъ жанръ.

Другая струя — народная — зачатки коей есть и у Сумарокова, роднитъ его съ писателями — «народниками» исхода XVIII вѣка. Изслѣдователями неоднократно указывалось, что народность и народъ въ поэзіи XVIII вѣка — понятія условныя, не равнозначущія нашему представленію (для послѣдняго былъ раньше терминъ: подлый, потомъ — простонародный). Эта псевдонародность въ художественной лирикѣ выражалась частію въ образахъ, заимствованныхъ изъ пѣсенъ, частію въ обстановкѣ, и никогда не въ настроеніи. — Двѣ струи, французско-салонная и псевдонародная, — пестро переплетаясь, прожурчали въ пѣсенкахъ Нелединскаго и дали имъ своеобразную прелесть, вызвавшую восторгъ у современниковъ, признаніе у ближайшихъ потомковъ, а нѣкоторыя спустились въ народъ (напр. «Выйду я на рѣченьку»). — Намъ любы онѣ, какъ хорошенькія bibelots тонкой старинной работы, любъ и самъ авторъ — по внѣшнему и по душевному складу второстепенное, но характерное лицо XVIII вѣка.

Милая вчера сидѣла
Подъ кустомъ у ручейка;
Пѣсенку она запѣла,
Я внималъ изъ далека.
Съ милою перекликался
Ближней рощи соловей...
Голосъ милой раздавался —
Отдался въ душѣ моей.

Мнѣ зефиры приносили
Иногда ея слова;
Иногда слова глушили
Вкругъ шумящи дерева,
Смолкни все! престань мѣшаться,
Ты завистный соловей!
Пусть одинъ въ душѣ раздастся
Голосъ милой лишь моей.

(«Карманный Пѣсенникъ» 1796 ч. I, № 12) [1].

[1]) «Въ Новѣйш. и полн. Росс. общенар. Пѣсенникѣ» 1810 г. для этой пѣсни назначенъ «голосъ восхитительно-нѣжной».

Выйду я на рѣченьку
Погляжу на быструю —
Унеси мое ты горе,
Быстра рѣченька, съ собой!

Нѣтъ, унесть съ собой не можешь
Лютой горести моей,
Развѣ грусть мою умножишь,
Развѣ пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему:
Мысль за мыслью такъ стремится
Все къ предмету одному.

Ноетъ сердце, изнываетъ,
Страсть мучительну тая.
Кѣмъ страдаю, тотъ не знаетъ,
Терпитъ что душа моя.

Чѣмъ же злую грусть разсѣю,
Сердце успокою чѣмъ? —
Не хочу и не умѣю
Въ сердцѣ быть властна моемъ.

Милый мой имъ обладаетъ:
Взглядъ его — мой весь законъ;
Томный духъ пусть вѣкъ страдаетъ,
Лишь бы милъ всегда былъ онъ.

Лучше вѣкъ въ тоскѣ пребуду,
Чѣмъ его мнѣ позабыть.
Ахъ! коль милова забуду,
Кѣмъ же стану, кѣмъ же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое біенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А въ душѣ всегда ношу!
Ты, кѣмъ вижу, кѣмъ внимаю,
Кѣмъ я мышлю — кѣмъ дышу!

Не почувствуй ты досады,
Какъ дойдетъ мой стонъ къ тебѣ.

Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбѢ.

Если жъ ты найдешь возможнымъ,
Силу чувствъ моихъ измѢрь —
Словомъ ласковымъ — хоть ложнымъ —
Адъ души моей умѢрь.

(«Карманный ПѢсенникъ», 1796 г. № 14).

Lise, entends-tu l'orage...
(Colardeau).

Гроза насъ, Лиза, гонитъ;
Укроемся въ кустахъ.
Отъ грома воздухъ стонетъ;
Объемлетъ Лизу страхъ.
Сколь муки тѣ ужасны,
Что терпитъ нѣжный духъ;
Какъ оба вдругъ опасны,
И буря, и пастухъ!

На чемъ же ей рѣшиться?
Ужъ сталъ сильнѣе громъ.
Отъ бури чтобъ укрыться,
Идти-ль за пастухомъ?
То въ робости уходитъ;
То прибѣгаетъ вновь.
То страхъ къ кустамъ приводитъ,
То къ нимъ влечетъ любовь.

У входа Лиза, стоя,
Войти не смѣетъ въ лѣсъ,
Стремленье вихрь удвоя,
Ее туда занесъ.
Громъ удалясь слабѣетъ;
Онъ не всегда разитъ.
Стрѣлъ, что любовь имѣетъ,
Никто не избѣжитъ.

Любовь изъ тучъ взираетъ
На плѣнниковъ своихъ,
Въ часъ бурный обращаетъ
Минуты въ пользу ихъ.
Лизета стыдъ являла,
Изъ рощи вышедъ той;
Ужъ буря перестала,
Но въ ней исчезъ покой.

(«Карманный Пѣсенникъ», 1796 г., стр. 54 — 55).

На голосъ: Дѣвчина моя.

Охъ! тошно мнѣ
На чужой сторонѣ;
Все постыло,
Все уныло:
Друга милова нѣтъ.

Милова нѣтъ:
Не глядѣла бъ на свѣтъ,
Что, бывало,
Утѣшало,
О томъ плачу теперь.

Въ ближнемъ лѣску
Лишь питаю тоску,
Всѣ кусточки,
Всѣ листочки
Тамъ о миломъ твердятъ.

Будто со мной
Тамъ сидитъ милый мой,
Забываюсь —
Откликаюсь
Часто на голосъ свой.

Милова нѣтъ!
Ахъ, пойду за нимъ вслѣдъ:
Гдѣ бъ ни крылся,
Ни таился,
Сердце скажетъ мнѣ путь.

Охъ! тошно мнѣ
На чужой сторонѣ!
Слёзы льются,
Не уймутся:
Въ нихъ отрада моя.

(«Карманный Пѣсенникъ», 1796, № 62).

ИВ. ИВ. ДМИТРІЕВЪ.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ родился въ селѣ Богородскомъ, Симбирской губерніи въ 1760 году. Съ 8-ми до 11-ти лѣтъ учился въ пансіонѣ, сперва въ Казани, потомъ въ Симбирскѣ. Бунтъ Пугачева заставилъ семейство Дмитріевыхъ переселиться въ Москву, гдѣ будущій поэтъ пробылъ 2 года. 14-ти лѣтъ онъ уже находился на службѣ въ Петербургѣ въ Семеновскомъ полку. Къ этому времени относятся его первые литературные опыты, вызванные отчасти его новыми знакомствами: сослуживецъ его Ѳ. П. Козлятевъ знакомилъ его съ французской литературой и съ переводами на французскій языкъ изъ другихъ литературъ. Тогда же сблизился онъ съ Карамзинымъ и Державинымъ, открывшими ему путь на Парнасъ, и началъ участвовать въ «Московскомъ Журналѣ» (1791), «Аглаѣ» и «Аонидахъ» Карамзина. 1794 былъ его «пінтическимъ годомъ»: въ этомъ году написаны лучшія его произведенія — «Ермакъ», «Къ Волгѣ» и всѣмъ извѣстная сатира «Чужой толкъ».

Въ подражаніе Карамзину озаглавивъ свой сборникъ стихотвореній «И мои бездѣлки», Дмитріевъ издалъ его въ 1795 г.

Въ 1796 г. изданъ имъ «Карманный пѣсенникъ, или «собраніе лучшихъ свѣтскихъ и простонародныхъ пѣсенъ»; въ этотъ пѣсенникъ помѣстилъ онъ много и своихъ стихотвореній. Къ тому же году относится его отставка и арестъ,

послужившій, по выясненіи нелѣпости анонимнаго доноса, къ его возвышенію. Въ 1799 г., награжденный саномъ тайнаго совѣтника, онъ вышелъ въ отставку и переселился въ Москву, гдѣ, въ 1805 г. издалъ первое полное собраніе своихъ сочиненій и этимъ закончилъ свое литературное поприще. Сенаторъ съ 1806 года, онъ въ 1808 г. ревизуетъ Рязанскую и Костромскую губернію, а съ 1810 — 14 занимаетъ постъ министра юстиціи. Съ 1816 — 19 онъ, покинувъ постъ министра, состоитъ предсѣдателемъ коммиссіи для оказанія помощи жителямъ Москвы, пострадавшимъ отъ нашествія французовъ. Послѣдніе годы жизни Дмитріевъ провелъ въ Москвѣ, окруженный почетомъ и признаніемъ литераторовъ. Умеръ въ 1837 году.

Значеніе Дмитріева баснописца и сатирика («Чужой толкъ») несомнѣнно. Въ лирическихъ произведеніяхъ онъ былъ реформаторомъ, какъ Карамзинъ въ прозѣ, стараясь придать языку поэтическую легкость, плавность и привлекательность. Къ сожалѣнію, эти достоинства языка не всегда соотвѣтствовали достоинству поэтическаго настроенія.

«Увлеченіе вѣтрянымъ Доратомъ», цитируемое обыкновенно въ біографіяхъ Дмитріева — умѣрялось и разбавлялось въ пѣсняхъ послѣдняго сильнымъ сентиментализмомъ во вкусѣ времени.

Хотя въ стихотвореніи «О выгодахъ быть любовницей стихотворца» Дмитріевъ и осмѣиваетъ ложный пафосъ творцовъ романсовъ:

«Любовникъ страстный твой въ елегіи возстанетъ,
Растреплетъ волосы и въ морѣ слезъ потонетъ»,

но, взамѣнъ этого стона, даетъ утрированный сентиментализмъ:

Пойду и токомъ слезъ тропинки всѣ омою,
По коимъ бѣгала любезная со мною («Идиллія»)

или:

(влюбленный) кроликъ, притаясь въ кусточкѣ,
Колеблетъ вздохами листочки («Весна»).

Во всякомъ случаѣ, пѣсни его нравились, соотвѣтствовали литературнымъ запросамъ читателей, а нѣкоторыя, писанныя въ псевдонародномъ духѣ, получили значительное распространеніе и перешли въ народъ, (напр. «Стонетъ сизый голубочекъ», «Ахъ, когда бъ я прежде знала» и др.).

Съ 1795 г. по 1893 было 7 изданій сочиненій Дмитріева. Изъ библіографіи о немъ укажемъ на: автобіографическое сочиненіе «Взглядъ на мою жизнь», изд. въ 1866 г., «Мелочи изъ запаса моей памяти» племянника поэта — Мих. Дмитріева; изд. 2-е «Русск. Арх.»; М. 1869. «Письма Карамзина къ Дмитріеву». Изд. Имп. Ак. Наукъ. Спб. 1866 г.

ПѢСНЯ.

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь;
Миленькой его дружочекъ
Отлетѣлъ надолго прочь.

Онъ ужъ болѣ не воркуетъ
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ,

Ждетъ ее... увы! но тщетно;
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѢ прилегаетъ,
Носикъ въ перья завернулъ,
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ —
Голубокъ... навѢкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѢла,
Пріунывъ издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѢла,
Будитъ, будитъ голубка;

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ —
Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый другъ!

(Московскій Журналъ, 1792 г., ч. VI).

КЪ ХЛОѢ.

Дрожащею рукою
За лиру я берусь,
Хочу, хочу пѣть Хлою,
Но въ сердцѣ я мятусь;

Какой мнѣ ждать награды
За мой, о Хлоя, стихъ?
Но, ахъ, быть другомъ правды
Есть должность лѣтъ моихъ.

Въ сей день тебѣ свершилась
Тридцатая весна,
Увы, еще затмилась
Зараза съ ней одна!

Еще одна морщина
Прибавилась къ другимъ,
О прелестей кончина, —
Въ тебѣ то смерть мы зримъ.

Ахъ, кстати вы, морозы
Декабрьскіе, пришли,
Уже поблекли розы,
Что на щекахъ цвѣли.

И лилія желтѣетъ
У Хлои на грудяхъ,
Хотя зефиръ и вѣетъ
Еще въ ея кудряхъ.

Амуры, утирая
Рученкою глаза,
Ужъ вьются, воздыхая,
Подъ свѣтлы небеса.

А Граціи, гордяся
Безсмертной красотой,
Въ насмѣшку ей, рѣзвяся,
Кричатъ: о, время, стой!

Но ты зѣвнула, Хлоя?
И мнѣ уже невмочь,
Такъ скажемъ же мы двое
Другъ другу: добра ночь!

(Московскій Журналъ, 1792, ч. VIII).

ПѢСНЯ.

Ахъ! когда бъ я прежде знала,
Что любовь родитъ бѢды,
Веселясь бы не встрѢчала
Полуночныя звѢзды!
Не лила бъ отъ всѢхъ украдкой
Золотого я кольца;
Не была бъ въ надеждѢ сладкой
ВидѢть милаго льстеца!

Къ удаленію удара
Въ лютой, злой моей судьбѢ,
Я слила бъ изъ воска яра
Легки крылышки себѢ
И на родину вспорхнула
Мила друга моего,
НѢжно, нѢжно бы взглянула
Хоть однажды на него,

А потомъ бы улетѣла
Со слезами и тоской:
Подгорюнившись бы сѣла
На дорогѣ я большой;
Возрыдала бъ, возопила:
Добры люди! какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любила...
Научите не любить.

(«Моск. Журн.» 1792, 4, VII, стр. 275).

ПѢСНЯ.

Что съ тобой, любезна, стало?
Не слыхать твоихъ рѢчей:
Все вздыхаешь! а бывало
Ты поешь, какъ соловей.

«Съ милымъ пѢла, говорила,
А безъ милаго грущу;
По неволѢ пріуныла:
ГдѢ я милаго сыщу?»

РазвѢ милаго другова
Не найдешь изъ пастушковъ?
Выбирай себѢ любова,
Всякъ тебя любить готовъ.

«Хоть царевичъ мной прельстится,
Все я буду горевать!
Сердце съ сердцемъ подружится:
Ужъ не властно выбирать».

(«Карманный ПѢсенникъ», 1796 г., ч. I, № 31).

ПѢСНЯ.

Видѣлъ славный я дворецъ
Нашей Матушки-Царицы;
Видѣлъ я ея вѣнецъ
И златыя колесницы.

Все прекрасно! я сказалъ,
И въ шалашъ мой путь направилъ:
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ я Лизаньку оставилъ.

Лиза, рай всѣхъ чувствъ моихъ!
Мы не знатны, не велики;
Но въ объятіяхъ твоихъ
Меньше-ль счастливъ я владыки?

Царь одинъ веселый часъ
Милліономъ покупаетъ,
А природа ихъ для насъ
Вѣчно даромъ расточаетъ.

Пусть пѣвцы не будутъ плесть
Мнѣ похвалъ кудрявымъ складомъ,
Ахъ! сравню ли я ихъ лесть
Милой Лизы съ нѣжнымъ взглядомъ?

Эрмитажъ мой: огородъ,
Скипетръ — посохъ, а Лизета —
Моя слава, мой народъ
И всего блаженство свѣта!

(«Пріятное и полезное препровожденіе времени», 1794 г., ч. I).

ПѢСНЯ [1]).

Тише, ласточка болтлива,
Тише, тише, полно пѣть!
Ты съ зарею вновь счастлива, —
Ахъ, а мнѣ пришло терпѣть!
Я разстаться долженъ съ милой
На зарѣ, къ моимъ слезамъ...
О луна, твой свѣтъ унылой
Краше солнышка былъ намъ!

Тише, ласточка болтлива,
Тише, тише, полно пѣть!
Ты съ зарею вновь счастлива,
Ахъ, а мнѣ пришло терпѣть!
Знать и сонная мечтала
О любови ты своей:
Ты къ утѣхамъ рано встала,
А я къ горести моей!

[1]) «Въ сей пѣснѣ изъясняется, что любовникамъ ночи пріятнѣе дней; голосъ съ томностію нѣжной». («Нов. и полн. Росс. общенародн. пѣсенникъ». 1810 г., № 72).

Тише, ласточка болтлива,
Тише, тише, полно пѣть!
Ты съ зарею вновь счастлива, —
Ахъ! а мнѣ пришло терпѣть!
О, когда бъ и ты имѣла
Участь равную со мной,
Ты бъ молчала и не пѣла,
И встрѣчала день съ тоской.

(«Московскій Журналъ», 1792, ч. VIII).

РУЧЕЕКЪ.

Любовны утѣшенья
Минутами летятъ,
Любовныя мученья
Вѣками тяготятъ.

Какъ былъ любимъ Анютой
У сихъ прозрачныхъ водъ,
Казался день минутой,
А нынѣ день, какъ годъ.

Ужели позабыла,
Вдругъ ставъ ты жестока,
Что прежде говорила,
Сидѣвъ у ручейка?

«Ручей доколѣ станетъ
Въ брегахъ своихъ журчать: —
Анюта не престанетъ
Любви къ тебѣ питать».

Но ручеекъ все льется,
По камушкамъ шумитъ;
Жестокая жъ смѣется,
Не то ужъ говоритъ.

Любовны утѣшенья
Минутами летятъ
Любовныя мученья,
Вѣками тяготятъ.

(«Пріятн. и полезн. препр. вр.» 1794 г., ч. I, стр. 200).

МАДРИГАЛЪ.

Задумчива ли ты, смѣешься, иль поешь,
О, Хлоя милая, ты всѣмъ меня прельщаешь:
Часамъ ты крылья придаешь,
А у любви ихъ похищаешь.

(«Сочиненія и переводы», 2-е изд. 1803 — 1805).

СТАНСЫ.

Я счастливъ былъ во дни невинности безпечной,
Когда мнѣ богъ любви и въ мысль не приходилъ;
О, возрастъ дѣтскихъ лѣтъ! почто ты былъ не вѣчной?
Я счастливъ былъ!

Я счастливъ былъ во дни волшебствъ, очарованій,
Когда любовью свѣтъ и красенъ лишь и милъ;
Дождуся ли опять толь сладостныхъ мечтаній?
Я счастливъ былъ!

Я счастливъ былъ во дни надежды, увѣренья,
Когда Кларисы взглядъ меня животворилъ,
Одни желанія ужъ были наслажденья...
Я счастливъ былъ!

Я счастливъ былъ во дни восторговъ непрерывныхъ
И сердцу милыхъ бурь; какъ я тогда любилъ!
Увы, тогда не пѣлъ я въ пѣсняхъ заунывныхъ:
Я счастливъ былъ!

(«Вѣстн. Евр.», 1805 г., XXI).

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился 1-го декабря 1766 г. въ помѣстьѣ Симбирской губ. Рано выучившись грамотѣ, обладая на рѣдкость впечатлительной натурой, онъ лѣтъ съ 8 — 9 всецѣло обитаетъ духовно въ «теплицѣ для юной души» — въ области старинныхъ романовъ; уже тогда «онъ любилъ грустить, не зная о чемъ» и «могъ уже часа по два играть воображеніемъ и строить замки на воздухѣ». 14-ти лѣтъ Карамзина отвезли въ Москву и отдали въ пансіонъ Шадена, гдѣ онъ близко познакомился съ нѣмецкой литературой и на всю жизнь остался вѣренъ любви къ ней. 17-ти лѣтъ, по окончаніи пансіона, Карамзинъ то, переѣхавъ въ Петербургъ, проводитъ время въ литературныхъ занятіяхъ и общеніи съ Дмитріевымъ, то отвлекается разсѣянной жизнью въ Симбирскѣ. Благотворное и рѣшающее вліяніе оказало на Карамзина Дружеское Общество Новикова, куда онъ попалъ по возвращеніи своемъ въ Москву 1784 г.; здѣсь онъ получилъ залогъ того филантропическаго, гуманнаго, хотя и мечтательнаго направленія, которымъ проникнуты всѣ его произведенія. Послѣ 4-хъ-лѣтняго тѣснаго, горячаго сближенія съ кружкомъ, Карамзинъ покинулъ его для продолжительнаго заграничнаго путешествія, изъ котораго привезъ идею изданія «Московскаго Журнала», гдѣ первое мѣсто заняли «Письма русскаго путешественника», — «Бѣдная Лиза», а за нею «Наталья — боярская дочь» явились вслѣдъ и принесли знаме-

нитость уже извѣстному автору. 1793—95 гг. Карамзинъ прожилъ въ деревнѣ, и плодомъ этого отшельничества было изданіе стихотворныхъ сборниковъ «Аглая» и затѣмъ «Аонидъ». Разнообразная издательская дѣятельность Карамзина продолжалась до 1802 г., когда, прекративъ изданіе «Вѣстника Европы», онъ всецѣло, наконецъ, отдался историческому труду. — Въ 1818 — 19 гг. онъ выпустилъ первые 8 томовъ «Исторіи Государства Россійскаго»; въ 1821-мъ — 9-ый томъ, въ 1824-мъ — 10-й и 11-ый. 12-ый, неоконченный томъ, уже послѣ смерти автора, былъ изданъ Д. Н. Блудовымъ. — Послѣдніе 10 лѣтъ жизни Карамзинъ провелъ въ Петербургѣ — въ близкомъ общеніи съ царской семьей. Смерть Александра I-го и событія 14-го декабря глубоко потрясли его. Въ началѣ 1826 г. онъ занемогъ и 22-го мая скончался.

Историкъ и преобразователь языка затмили собою въ Карамзинѣ поэта. Позднѣйшая критика (напр. Бѣлинскій и Кирпичниковъ) лишь мимоходомъ и неодобрительно отзывается объ этой сторонѣ его творчества и странно противорѣчитъ себѣ, называя его отнюдь не поэтомъ, но только стихотворцемъ и отмѣчая въ немъ въ то же время именно плохого версификатора и поэта — прозы. У него, по выраженію Державина, «въ прозѣ гласъ слышенъ соловьинъ».

Прекрасную оцѣнку даетъ кн. П. А. Вяземскій — родственникъ и другъ Карамзина: «Онъ былъ поэтъ по чувству, по краскамъ, и нерѣдко по содержанію стихотвореній своихъ, но не по внѣшней отдѣлкѣ. Стихотворецъ въ немъ, такъ сказать, не по силамъ поэту... Съ нимъ родилась у насъ поэзія чувства, любви къ природѣ, нѣжныхъ отливовъ мысли и впечатлѣній: словомъ сказать, поэзія внутренняя, задушевная... наступила поэзія лѣтняго сумрака. И здѣсь, какъ при ясномъ закатѣ дня, тихая нѣга, свѣжее благоуханіе, тѣ же умѣренныя краски въ картинахъ. Поэзія утратила свой рѣзкій и ослѣпительный блескъ: въ ней есть что-то болѣе успокаивающее и чарующее глаза миловидными и разнообразными оттѣнками. Однимъ словомъ, меланхолія была до Карамзина чужда русской поэзіи...», (Соч. кн. Вяземскаго, т. VII).

Стихотворенія Карамзина заключаются: 1) въ сборникѣ «Мои бездѣлки». М. 1794; изд. 2-е. М. 1797; изд. 3-е. М. 1801. 2) 1 томъ «Собр. соч. Карамз.» въ 5-ти изданіяхъ: 1) М. 1803 — 4; 2) М. 1814; 3) М. 1820; 4) Спб. 1834 — 5 (Смирдина), 5) Спб. 1848 г. (тоже Смирдина).

См. о Карамзинѣ: по указателю «Собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго», изд. гр. Шереметева, и «Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ», подъ ред. В. И. Саитова. «Письма К—а къ И. И. Дмитріеву», изд. Грота и Пекарскаго, 1866. — В. В. Сиповскій; К., какъ авторъ «Писемъ русск. путешественника», Спб. 1899. — Статья С. Пономарева въ «Зап. Имп. Ак. Наукъ», т. XIV.

КЪ ПРЕКРАСНОЙ.

Гдѣ ты, Прекрасная, гдѣ обитаешь?
Тамъ ли, гдѣ пѣсни поетъ Филомела,
Кроткая ночи пѣвица,
Сидя на миртовой вѣтви?
Тамъ ли, гдѣ съ тихимъ журчаньемъ стремится
Чистый ручей по зеленому лугу,
Душу мою призывая
Къ сладкой дремотѣ покоя?
Тамъ ли, гдѣ юная, пышная роза,
Утромъ кропимая, нѣжно алѣетъ,
Скромно съ зефиромъ лобзаясь,
Сладостью воздухъ питая?
Тамъ ли, гдѣ солнечный лучъ освѣщаетъ
Горъ непреступныхъ хребетъ разноцвѣтный? [1])

---

[1]) Когда въ хорошій вечеръ, передъ захожденіемъ солнца, изъ нѣкотораго отдаленія смотришь на высокія, снѣгомъ покрытыя горы, то верхи ихъ кажутся разноцвѣтными.
Прим. автора.

Гдѣ обитали издревле
Высшія силы и боги?
Гласъ твой божественный часто внимаю:
Часто сквозь облака образъ твой вижу —
Руки къ нему простираю —
Облако, воздухъ объемлю!

(Московскій Журналъ, 1791, ч. III, 123).

ЛЮБЕЗНОЙ.

Въ день ея рожденія.

Въ сей день тебя любовь на свѣтъ произвела,
Красою свѣта быть, владѣть людей сердцами,
Осыпала тебя пріятностей цвѣтами,
Сказала: будь мила!
«Будь щастлива!» сказать богиня не могла.

(«Аглая». II, 1795 м., стр. 97).

НАДПИСИ.

НА СТАТУЮ КУПИДОНА [1]).

I.

На голову.

Гдѣ трудится голова,
Тамъ труда для сердца мало,
Тамъ любви и не бывало,
Тамъ любовь — одни слова.

II.

На глазную повязку.

Любовь слѣпа для свѣта,
И кромѣ своего

[1]) Сочинитель сихъ надписей увидѣлъ въ одномъ домѣ мраморнаго Амура и съ позволенія хозяйки исписалъ его карандашемъ съ головы до ногъ.

(Прим. Карамзина).

Безцѣннаго предмета
Не видитъ ничего.

III.

На сердце.

Любовь Анатомистъ: гдѣ сердце у тебя,
Узнаешь полюбя.

IV.

На палецъ, которымъ Купидонъ грозитъ.

Награда скромности готова:
Будь щастливъ — но ни слова!

V.

На руку.

Когда рука
Любовника дерзка,
Не вѣрь ему; но вѣрь, когда она робка.

VI.

На крыло.

Амуръ летаетъ для того,
Чтобъ милую найти для сердца своего;
Нашедши, крылья оставляетъ —
Уже ему въ нихъ нужды нѣтъ —
Летать позабываетъ
И съ милою живетъ.

VII.

На стрѣлу, которую Амуръ беретъ въ руку.

Страшитесь: прострѣлю!
Но вы отъ раны не умрете;
Лишь томно взглянете, вздохнете,
И скажете: люблю.

VIII.

На ногу.

Когда любовь безъ ногъ? Какъ надобно итти.
Отъ друга милаго, сказавъ ему прости!

IX.

На спину.

Стою всегда лицомъ къ красавцамъ молодымъ,
Спиною къ старикамъ сѢдымъ.

(«Аониды», III, стр. 104 — 107, 1798 г.).

БРАТЬЯ П. и М. КАЙСАРОВЫ.

Біографіи братьевъ Петра (род. 1777 г.) и Михаила (род. 1780 г.) Сергѣевичей Кайсаровыхъ представляютъ по внѣшнимъ, общимъ чертамъ большое сходство. Оба получили прекрасное образованіе дома и въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, окончивъ который поступили на военную службу и, выйдя почти одновременно въ отставку, служили по разнообразнымъ гражданскимъ вѣдомствамъ. Братья превосходно знали 4 языка и обладали обширными свѣдѣніями по политической экономіи, технологіи и финансовому праву. Мих. Серг. скончался въ 1825 г.; Петръ Сергѣевичъ пережилъ его почти на 30 лѣтъ и умеръ въ чинѣ сенатора.

Оба въ юности отдали нѣкоторую дань Музамъ; стихотворенія ихъ, собственныя и переводныя, печатались въ «Пріятн. и полезн. препровожд. времени» (1797 — 8), одновременно въ «Аонидахъ», въ «Утренней Зарѣ» (1800) и въ «Пипокренѣ» (1801); кромѣ того, Михаилу Серг. принадлежитъ отличный переводъ Стерна — «Жизнь и мнѣнія Тристрама Шанди» въ 6 ч. 1804—7 гг. Спб.

См. о нихъ статью Булгарина въ «Сѣверн. Пчелѣ» 1825 г., № 36, «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1854 г., № 123 и «Русскій Арх.», 1902 г., кн. II.

АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ ОДА.

Не богиня ль молодая,
Взора смертныхъ убѣгая,
Кто тамъ по лугу бѣжитъ?
Платье съ вѣтеркомъ играетъ,
Зѐфиръ кудри развѣваетъ,
Лебедина грудь блеститъ.

И блѣднѣя, и краснѣя,
Поглядѣть, дохнуть не смѣя,
Машинька! куда бѣжишь?

«День томлюся, ночь страдаю,
Все Амура убѣгаю».
Не уйдешь — онъ все съ тобой
И въ лѣсахъ, и межъ цвѣтами;
Не уйдешь — вѣдь онъ съ крылами!
Лучше воротись домой.

(«Пріятн. и полезн. препр. врем.», 1797 г., ч. XVI, стр. 303).

ПОБѢДА АМУРОВА.

Нѣтъ полно, ужъ пора тѣ цѣпи разорвать,
Которыми меня Аглая оковала,
Ужъ полно мучиться, страдать и воздыхать,
Любовь меня одна доселѣ ослѣпляла.

Вотъ Аполлонъ меня къ себѣ теперь зоветъ:
«Всѣ боги», говоритъ, «твою пѣснь слушать будутъ». —
Нѣтъ, пусть Аглая лишь одна ее прочтетъ,
Съ Аглаей я весь свѣтъ, всю жизнь свою забуду.

«Вотъ щитъ мой, вотъ копье», Марсъ страшный говоритъ:
«Тебя я лаврами своими увѣнчаю».
Стократъ меня цвѣтокъ тотъ больше веселитъ,
Которымъ грудь мою Аглая украшаетъ.

«Никто изъ нихъ тебя не могъ собой прельстить»,
Сказалъ Амуръ: «возьми жъ опять свои оковы».
Такъ, сильный богъ, опять я буду ихъ носить,
И въ радость премѣню мученія суровы.

(«Пріятн. и полезн. препр. врем.» 1798 г., ч. XVIII, стр. 43).

Д. И. ВЕЛЬЯШЕВЪ-ВОЛЫНЦЕВЪ.

Дмитрій Ивановичъ Вельяшевъ-Волынцевъ (род. 1770 г., † 1818) унаслѣдовалъ отъ отца призваніе къ математикѣ; по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, онъ поступилъ на военную службу и 25-ти лѣтъ былъ уже полковникомъ и завѣдывалъ понтонными ротами. Занимаясь по спеціальности, онъ составилъ и перевелъ нѣкоторые важные въ то время труды. Но, иногда, «утомясь математикой, Вельяшевъ оставлялъ циркуль и брался за лиру.—Многія мелкія его стихотворенія разсѣяны въ изданныхъ тогда періодическихъ сочиненіяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ помѣщены и въ Собраніи образцовыхъ стихотвореній. Почти всѣ свои опыты въ Поэзіи онъ издалъ въ особенной книжкѣ подъ названіемъ Лира, М. 1805 г.» — Страстно любя театръ, Вельяшевъ перевелъ и сочинилъ множество пьесъ, а съ 1810 по 1812 г. издавалъ журналъ «Талія». — Ввиду своихъ научныхъ и литературныхъ заслугъ, въ послѣдніе годы жизни онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ О-ва любителей россійской словесности и О-ва Исторіи и Древности.

«Кажется, что онъ рожденъ былъ математикомъ, а не поэтомъ», говорится въ посмертной оцѣнкѣ его дѣятельности: «самые первые годы воспитанія приготовляли его не для Поэзіи, хотя она всегда являлась повѣренною его чувствованій и подругою удовольствій, какія онъ находилъ въ уедине-

ніи. Во всѣхъ стихотворныхъ его сочиненіяхъ примѣтна болѣе основательность ума здраваго, разборчивость вкуса, опредѣленность и точность ученаго человѣка и тщательная отработка въ слогѣ, которая не всегда у него счастливо скрыта. Цвѣты воображенія, пылкость чувствованій, живость движеній, вообще все, что составляетъ душу Поэзіи, существуютъ только въ первыхъ произведеніяхъ его молодости»...

Сравн. И. Снегиревъ. «Воспоминаніе о Дм. Ив. Вельяшовѣ-Волынцевѣ». — Труды О-ва любителей россійской словесности. М. 1822, ч. I, стр. 44 — 66.

Весна летитъ, и въ слѣдъ за ней
Амуры съ матерью своей.
Въ природѣ все живится вновь:

Тамъ средь кусточка
Два голубочка
Блажатъ любовь! 2.

Семнадцать минуло мнѣ лѣтъ,
Пустымъ казался весь мнѣ свѣтъ;
Не зналъ Венеры я оковъ,

Съ призрѣньемъ видѣлъ
И ненавидѣлъ
Кого жъ?... Любовь! 2.

Но Клою лишь узрѣлъ я разъ,
Сталъ плѣнникомъ ея заразъ;
Внезапный огнь зажегъ всю кровь.

Узналъ мученья
И утѣшенья,
Узналъ любовь. 2.

Ахъ! кто съ горы меня манитъ!
Не Клоя-ль?... Сердце все дрожитъ,
Ея то станъ... ея то бровь...

И цвѣтъ прекрасной...
Къ утѣхѣ страстной
Спѣши любовь! 2.

(«Пріятн. и полезн. препр. врем.», 1794, ч. II, стр. 67).

И. Е. СРЕЗНЕВСКІЙ.

Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій, сынъ бѣднаго священника, родился въ 1770 г. въ селѣ Срезневѣ Рязанской губ. По окончаніи рязанской семинаріи, жажда знанія пѣшкомъ привела юношу въ Москву, гдѣ ему и удалось пристроиться въ университетъ. Переводъ Овидіевыхъ «Tristia» [1]) снискалъ ему «въ Херасковѣ Мецената» и, купно съ появленіемъ его «Оды пчелиной маткѣ» (о Екатеринѣ II), послужилъ къ сближенію съ кружкомъ московскихъ литераторовъ и доступу въ изданія Московскаго университета. По окончаніи учебнаго курса, Срезневскій годъ пробылъ на частной службѣ, а затѣмъ поступилъ учителемъ въ университетскую гимназію. Въ 1804 г., «произведенный въ магистра философіи и свободныхъ наукъ», занялъ въ Демидовскомъ Ярославскомъ лицеѣ каѳедру «словесности древнихъ языковъ и россійскаго краснорѣчія». Срезневскій состоялъ членомъ Харьковскаго О-ва наукъ, въ обществахъ любителей россійской словесности въ Ярославлѣ и Казани, сотрудничалъ въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» и «Харьковскомъ Демокритѣ». Скончался онъ въ 1819 г. вслѣдствіе истощенія силъ многотрудной жизнью.

Первое мѣсто въ литературной дѣятельности Срезневскаго принадлежитъ его «рѣчамъ», лучшія изъ нихъ — «О любви къ отечеству», «О свойствахъ образцоваго наставника» и «О

---

[1]) Единственный полный переводъ до появленія перевода Фета въ 1893 г.

странствованіи Музъ». Поэтическія работы его дѣлились на оригинальныя и переводныя; кромѣ «Tristia», имъ переведены многія оды Горація и кое-что изъ Виргилія и Авзонія; къ переводамъ же относятся переложенія псалмовъ и «ПѢсни ПѢсней» Соломоновой [1]). Оригинальные его труды [2]) весьма разнообразны, но далеко не всѣ напечатаны. Языкъ рѣчей Срезневскаго плавенъ и красивъ, въ обычныхъ же стихотвореніяхъ изященъ, простъ и своеобразенъ.

---

[1]) Переводъ крайне любопытный и, къ сожалѣнію, не напечатанный.

[2]) См. ихъ подробный перечень, а также полную біографію въ статьѣ Всев. Изм. Срезневскаго — «Ив. Евс. Срезневскій», Спб. 1898.

РОЗАНЪ.

Алой розанъ, цвѣтъ прекрасный,
Какъ ты милъ и какъ хорошъ!
Въ дни весенни — свѣтлы, ясны —
Краше всѣхъ въ саду цвѣтешь.

Лила, милая пастушка,
Полюбила пастушка;
Въ Лилѣ ноетъ страстна душка,
Ищетъ милаго дружка.

Нѣжна Лила вянетъ, сохнетъ,
Пламенемъ любви горя;
На тебя взглянувши охнетъ,
Рѣчь такую говоря:

Розанъ алой, цвѣтикъ милой,
Какъ ты милъ и какъ хорошъ!
Будь всегда со мною, съ Лилой!
Ты на милаго похожъ.

Я сорву тебя, цвѣточекъ,
Къ бѣлой груди приколю,
Иль вплету тебя въ вѣночекъ:
Ты почувствуй, — что люблю.

Ахъ! но ты совсѣмъ не слышишь,
Розанъ, Лилиной любви;
Тщетно ароматомъ дышешь;
Страсти нѣтъ въ твоей крови...

Вотъ! румянецъ твой ужъ вянетъ,
Вянутъ алы красоты.
Такъ то милой мой обманетъ,
Какъ обманываешь ты.

(Ркп. сборникъ «Моя Лира», стр. 100).

ПОѢЗДЪ ИЗЪ СЕЛА Б.

Куда вы, кони бурны,
Несетеся со мной
Оттоль, гдѣ лукъ амурный
Пронзилъ мнѣ грудь стрѣлой?
Оттолѣ, гдѣ зараза
Любви меня зажгла,
Гдѣ нимфа черноглаза
По мысли мнѣ пришла.
Ахъ! вотъ и проважаетъ
Глазенками она;
Она конечно знаетъ,
Кѣмъ грудь моя полна.
Постойте, кони рѣзвы!
Ты, кучеръ, ихъ не нудь!
На глазки мнѣ любезны
Дай разъ еще взглянуть,
Въ послѣдній дай проститься,

Послать ей поцѣлуй,
Вздохнуть и поклониться
Съ потокомъ слезныхъ струй.
Прощай съ моею милой,
Прекрасное село!
Знать мнѣ съ душой унылой
Оставить васъ пришло.
Летите, кони рѣзвы!
Ты, кучеръ, поспѣши!
Прости, предметъ любезный,
Владычица души.

(Ркп. сборн. «Моя Лира», стр. 111 — 112)[1].

[1]) Относ. къ 1797 г.

М. Л. МАГНИЦКІЙ.

Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій (род. 1778 г.), вначалѣ довѣренный и сотрудникъ Сперанскаго, вмѣстѣ съ нимъ раздѣлилъ опалу и ссылку, но вскорѣ, снискавъ какими-то путями милость Аракчеева, былъ возвращенъ и назначенъ сперва вице-губернаторомъ Воронежа, затѣмъ губернаторомъ Симбирска, а въ 1819 г. членомъ главнаго правленія училищъ и посланъ ревизоромъ въ Казанскій университетъ. Въ представленномъ отчетѣ о ревизіи, Магницкій обвинилъ университетъ въ растратѣ казенныхъ денегъ и безбожномъ направленіи преподаванія, и предлагалъ разрушить даже самое зданіе. Проектъ не былъ одобренъ, но Магницкаго назначили попечителемъ съ правами преобразованія Казанскаго университета. Въ силу его преобразовательной системы, университетъ превратился въ заведеніе, похожее на монастырь, и воцарилось невообразимое мракобѣсіе. Наконецъ, назначенная въ 1826 г. ревизія обнаружила полное паденіе университета и огромную растрату казенныхъ денегъ. Магницкій былъ отставленъ отъ должности, имѣніе его конфисковано для покрытія растраты, и удаленъ отъ государственныхъ дѣлъ до конца жизни (1855 г.).

«Многіе привыкли видѣть въ немъ только лѣшаго Казанскихъ лѣсовъ или Казанскаго университета. Какъ бы то

ни было, но имѣлъ онъ нѣкоторыя и человѣческія черты... Въ молодости писалъ онъ стихи, которые Карамзинъ печаталъ въ Аонидахъ [1]). Въ нѣкоторыхъ поэтическихъ попыткахъ его прорывается стремленіе усвоить себѣ иныя лирическія замашки Державина. Вообще, эти попытки могли быть задатками, надеждами на будущее»... (Сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 200).

Ср. Ѳеоктистовъ, «М. Л. Магницкій, Спб. 1865. Иконниковъ: Опытъ русской исторіографіи», т. I, кн. 2, стр. 294 — 5.

[1]) А также въ «Пріятн. и полезн. препровожд. времени», 1794 — 1797.

(Прим. А. В.).

ПѢСНЯ МОЕЙ КАТЕНЬКИ.

Тише, громкій соловей!
Чу! тамъ, въ хижинкѢ моей
Раздается
И несется
Зѐфиромъ сквозь сей лѢсокъ
Моей Кати голосокъ
Какъ малиновка весной,
Передъ утренней зарей
РаспѢваетъ
И плѢняетъ
Всѣхъ мелодіей своей,
Такъ онъ милъ душѢ моей.
Дай подкрадуся къ окну
И на милую взгляну:
Какъ день майскій
Тихій, райскій,
Катинька моя мила,
Такъ тиха, такъ весела!
А когда сгрустится ей,
И она въ тоскѢ своей

Потихоньку,
Полегоньку
Нѣжну пѣсенку поетъ, —
Сколько новыхъ въ ней красотъ,
Иногда, за клавесинъ
Сѣвши, томный андантинъ
Заиграетъ
И плѣняетъ
Всѣхъ, кому душа дана —
Съ кѣмъ сравняется она?
Съ кѣмъ? — нѣтъ въ свѣтѣ Катей двухъ!
Катенька мой милый другъ!
Владѣй мною,
Я тобою
Всѣхъ щастливѣе Царей! —
Ты душа души моей!
Тсс... она встала, вздохнула,
На окно ко мнѣ возглянула!
Покраснѣла,
Поблѣднѣла;
Я лечу въ объятья къ ней...
Громче, тихій соловей!

(«Пр. и пол. препр. вр.», 1795, ч. V, стр. 3).

П. М. КАРАБАНОВЪ.

Петръ Матвѣевичъ Карабановъ (1765 — 1829) извѣстенъ, какъ авторъ многочисленныхъ высокопарныхъ одъ и какъ переводчикъ «Альзиры» Вольтера. Собраніе его стихотвореній было издано дважды — въ 1801 и въ 1812 г.

Не пышенъ пусть его, не велегласенъ стихъ,
Но важенъ иногда и чистъ, хотя и тихъ.

(А. А. Палицынъ, «Посланіе къ Привѣтѣ»).

(См. въ I т. сочин. Батюшкова, стр. 378 — прим. В. И. Саитова).

СЕРДЦА ПРІОБРѢТАЮТСЯ ИСКРЕННОСТІЮ.

Подъ тѣнію густою,
Близъ тихаго ручья,
Сидѣла долго я,
Терзаема тоскою.
Вдругъ миленькой дружокъ,
Любезный пастушокъ,
О комъ я воздыхала
И страсть открыть желала,
Но не могла открыть,
Пришелъ поговорить.

Печаленъ, скученъ, томенъ,
Вздохнувши мнѣ сказалъ:
«Я долго страсть скрывалъ,
Не буду больше скроменъ;
Давно тебя любя,
Я скучилъ безъ тебя;
А ты того не знаешь
И здѣсь себя скрываешь
Отъ взора моего,
Не знаю для чего...»

Ахъ! какъ же я смутилась,
Какъ онъ то мнѣ сказалъ,
Какъ онъ мнѣ жалокъ сталъ!
Я тутъ же бъ согласилась
Ему за это дать
Себя поцѣловать.
Пришелъ конецъ мученьямъ;
Любовнымъ восхищеньямъ
Наступитъ скоро часъ,
Любовь, спрягай ты насъ.

И я должна открыться
Въ мученіи своемъ:
Но только лишь о томъ
Хотѣла изъясниться,
Вдругъ баринъ подскочилъ —
Онъ зайцевъ тутъ травилъ —
Тихонько къ намъ подкрался,
Со мной поцѣловался:
«Я этого не зналъ,
Что здѣсь ты», онъ сказалъ:

«Какъ ты мила, прекрасна!
Скажи, изъ насъ кого,
Меня, или его,
Ты вѣкъ любить согласна?»
Потомъ сказалъ другой:

«Пожалуй свѣтикъ мой,
Ты съ сердцемъ согласися,
Того любить склонися,
Кого оно велитъ,
Къ кому оно горитъ».

А баринъ золотыя
Мнѣ горы посулилъ
И такъ мнѣ говорилъ:
«Я камни дорогіе
Имѣю у себя,
Я ими всю тебя
Украсить обѣщаю;
Я тьмою обладаю
И злата, и сребра,
И всякаго добра.

Въ одеждахъ испещренныхъ
Ты станешь щеголять;
Ты будешь разъѣзжать
Въ каретахъ позлащенныхъ
По вотчинамъ, садамъ,
По замкамъ и лугамъ;
А это все имѣнье
Отдамъ въ твое владѣнье,
Ты будешь госпожей,
А я любовникъ твой.

На пиршествахъ пріятныхъ
Мы будемъ Ѣсть и пить,
И головы кружить,
Какъ водится у знатныхъ.
Утѣхи тамъ рѣкой
Польются предъ тобой.
Захочешь веселиться —
Вдругъ музыка явится;
Тамъ станутъ пѣть играть
И много танцевать.

Высокіе чертоги
Жилищемъ будутъ намъ:
Повсюду роскошь тамъ;
Вездѣ пріятства многи.
Тамъ живопись блеститъ,
Тамъ золото горитъ;
Мы будемъ жить пріятно,
Великолѣпно, знатно».
А тотъ, кто былъ мнѣ милъ,
Вотъ что мнѣ говорилъ:

«Мое одно имѣнье —
Любви нелестный жаръ;
Пріими его ты въ даръ
И въ вѣчное владѣнье.
И птички, и цвѣтки,

И ленты, и вѣнки,
На мѣсто испещренной
Одежды драгоцѣнной,
Я стану приносить
И ихъ тебѣ дарить.

Ни вотчинъ нѣтъ за мною
Ни замковъ, ни садовъ,
Но я всегда готовъ
Жить въ хижинѣ съ тобою;
Ея прохладна тѣнь,
Средь лѣта въ жаркій день,
Къ покою призываетъ;
Хоть пища тамъ бываетъ
Простая за столомъ,
Да что мнѣ нужды въ томъ:

Мой веселъ малый ужинъ,
Онъ дружбой припасенъ
И дружбою красенъ;
Такъ намъ и балъ не нуженъ;
Свирѣлка и гобой
И пѣсни тонъ простой
Тебѣ пріятенъ будетъ!
Пастушка не забудетъ,
Что счастье тамъ живетъ,
Гдѣ пышной жизни нѣтъ».

Я это все смекнула,
И барину тотчасъ
Я сдѣлала отказъ;
А пастушку шепнула:
Что бъ онъ спокоенъ былъ
И послѣ посѣтилъ
Мое уединенье;
И что бы въ награжденье
Такихъ пріятныхъ словъ
Принесъ мнѣ пукъ цвѣтовъ.

(«Лѣкарство отъ скуки и заботъ». Спб., 1786, ч. I, стр. 107 — 111).

Ириса, вѣдать ты желаешь,
Гдѣ нѣжная любовь живетъ;
Вездѣ ее, вездѣ встрѣчаешь,
Ея жилище цѣлой свѣтъ.
Взгляни на прелести природы,
На травки, рощи и цвѣты,
Ліются ль гдѣ по камнямъ воды,
Любовь увидишь тамо ты.
Со блескомъ утренней авроры
Она румянитъ небеса.
Долины посѣщаетъ, горы,
Колеблетъ листны древеса
Въ поляхъ съ овечками играетъ,
Съ зефиромъ трогаетъ цвѣты,
Съ прекрасной бабочкой летаетъ,
Кропитъ росой она листы.
Любовью все животворится,
Она веселіе сердецъ,
Во всей она вселенной зрится,
И счастья нашего — вѣнецъ.

Она свой видъ перемѣняетъ
И образъ твой теперь беретъ;
Ириса, кто тебя узнаетъ,
Не спроситъ, гдѣ любовь живетъ.

(Пѣсенникъ Новикова, М., 1780 г., ч. V, № 190).

(На голосъ: я калинушку ломала).

Не стыдись пріятной страсти
Сердце не во власти;
Вѣчно жить нельзя въ свободѣ,
Слѣдуй ты природѣ:
Будь любови ты подвластна,
Будешь въ вѣкъ прекрасна,
Будешь вдвое ты пригоже,
Веселѣй, моложе.

(Новый Россійскій Пѣсенникъ [1]), ч. I, Спб., 1791 г., № 50).

---

[1]) Изъ комедіи «Любовникъ-колдунъ».

Ай! ау, не найду,
Ай! ау, гдѣ не йду,
Не найду, чего ищу,
Только плачу и грущу.

Ай! ау, гдѣ искать?
Или вѣчно такъ страдать,
Охать, горьки слезы лить,
Безъ надежды все любить?

Ай! ау, пастушокъ,
Ты подай мнѣ голосокъ;
Голосъ слыша я пойду,
И вездѣ тебя найду.

Ай! ау, безъ тебя,
Красоту всю погубя,
Погубя ли весь покой,
Страждетъ всякой часъ духъ мой.

Ай! ау, правда гдѣ?
Вспомни, какъ ты клялся мнѣ:
Мнѣ ты вѣрность обѣщалъ,
Гдѣ днесь скрылся, гдѣ пропалъ?

Ай! ау, поспѣшай,
Веселиться не мѣшай,
Не мѣшай, дай вольной быть;
Безъ тебя нельзя пробыть.

Ай! ау, возвратись,
Хоть на часъ мнѣ покажись:
Покажись скорѣй, о злой!
Ты успѣхъ узнаешь свой.

(«Россійская Эрата», Спб., 1792 ч. I, № 137).

Изъ Комедіи: СОЛИМАНЪ II или ТРИ СУЛТАНШИ [1]).

Все въ любовной страсти таетъ,
И у всѣхъ она въ крови;
Въ мірѣ все изображаетъ
Роскошь нѣжныя любви:
Дружка дружку догоняютъ
Бабочки, въ поляхъ рѣзвясь;
И цвѣтки верхи склоняютъ
Другъ по другу сѣменясь.

Плющъ вязовый пень объемлетъ,
Травка травку по лугамъ;
Птичка птичкѣ нѣжно внемлетъ;
Эхо вопитъ по лѣсамъ;

---

[1]) Издано отдѣльно: Солиманъ вторый, или три Султанши ком. въ 3-хъ дѣйствіяхъ г. Фаварта, переведена съ франц. яз. М. 1785 г. (Charles--Simon Favart [1710—1792] «Soliman second», представл. впервые въ Парижѣ въ 1761 г.).

Струйки, въ ручейкахъ катяся
По отложистому дну,
Соближаются, крутяся,
И спрягаются въ одну.

(«Россійская Эрата», 1792, ч. II. кн. III, № 295).

Прочь поди, не докучай мнѣ, молодецъ!
Я привыкла здѣсь одна пасти овецъ.
Скучно было мнѣ одной жити весной,
Такъ тогда ты не пришелъ гулять со мной.
Такова-ли я зимой въ лицѣ была!
Я въ деревнѣ всѣхъ дороднѣе слыла;
Теперь видишь, что худа стала, блѣдна:
Отъ того все, что весной была одна.
Всякій день видала птичекъ по кустамъ:
Другъ ко дружкѣ перелетывали тамъ,
Понимались, цѣловались всякой часъ:
У меня ль слезы катилися изъ глазъ.
Легко ль видѣть, что и тварь можетъ любить,
И вездѣ всегда съ любезнымъ своимъ жить;
А я бѣдная не знала, что зачать,
Не умѣла никого себѣ сыскать:
Въ одиночествѣ день цѣлый прохожу
Иль на горкѣ, какъ сироточка, сижу.
Веселися, сокруша теперь меня,
Только слезы мои канутъ на тебя;
Ты не думай, чтобы даромъ то прошло.

Ахъ! когда бы на тебя все тожъ нашло,
Что терпѣла я недѣлю или двѣ,
Черезъ рѣчку бы ты бросился ко мнѣ.
НынѢ жъ нужды нѢтъ, хоть ты меня нашелъ:
Знать, оставя ты другихъ, ко мнѢ пришелъ.
Прочь поди теперь, оставь меня одну,
Ты не можешь воротить опять весну.

(Избранный пѢсенникъ, ч. II, Спб. 1792, № 141).

НѢТЪ ЕЯ.

Льются слезы, духъ мятется,
Томно сердце, томно бьется;
ГдѢ любезная моя?
НѢтъ ея!

У кого спрошу? Кто скажетъ:
ГдѢ любезная моя?
НѢтъ ея!

Пастушокъ въ лугахъ душистыхъ!
При ручьяхъ пастушка чистыхъ!
ГдѢ любезная моя?
НѢтъ ея!

Земледѣлецъ, не видалъ ли?
Ловчій въ полѢ, не слыхалъ ли:
ГдѢ любезная моя?
НѢтъ ея!

Злу тоску мою прервите,
Милы дѣвушки! Скажите:
Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея!

Рощицы, поля, стремнины,
Горки, холмики, долины!
Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея!

Нимфы рощицъ ароматныхъ!
Нереиды водъ прохладныхъ!
Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея!

Ты, кого лелѣютъ смѣхи,
Сынъ веселья, сынъ утѣхи!
Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея!

Сердце, страстію пронзенно,
Сердце, грустью удрученно!
Гдѣ владычица твоя?
Нѣтъ ея!

Нѣтъ ея!.. мой духъ, терзайся,
Лейтесь слезы, грудь пронзайся!
Бѣдной, бѣдной въ свѣтѣ я!
Нѣтъ ея!

Нѣтъ ея! Коль измѣнила,
Коль другого полюбила,
Коль иной ей милъ, не я:
Нѣтъ ея!

Скоро, скоро тотъ нещастный,
Ей плѣненный, ею страстный,
Скажетъ также, какъ и я:
Нѣтъ ея!

(«Пріятн. и пол. препр. врем.», 1795 г. ч. VI, стр. 30).

Неси, унылa лира,
Повсюду пѣснь, стеня:
Жестокая Темира
Не любитъ ужъ меня.

Вчера еще любила,
То видѣлъ мягкій лугъ;
Вчера сто разъ твердила:
Тирсисъ! мой милый другъ!

Сегодня въ чистомъ полѣ
Спѣшилъ ее обнять —
Въ твоей, Темира, волѣ:
Такъ стыдно измѣнять!

Ты съ гнѣвомъ оттолкнула
И бросила вѣнокъ:
Душа моя смекнула,
Что презрѣнъ пастушокъ.

Гдѣ клятвы тѣ дѣвались,
Что чувства извлекли?
Съ струями водъ смѣшались
И въ море утекли!

Теперь твою овечку,
Невѣрная! лобзалъ
И къ томному сердечку,
Вздыхая, прижималъ.

Въ деревнѣ всѣ смѣются
Пастушки надо мной,
Въ отвѣтъ лишь слезы льются
Изъ глазъ моихъ рѣкой.

(Карманный Пѣсенникъ, 1796, ч. I, № 19).

Маія перваго числа
Былъ мой лучшій день на свѣтѣ;
Что за мысль мнѣ въ умъ вошла
Маія перваго числа:
Ты мнѣ сдѣлалась мила,
И, коль ты склонна въ отвѣтѣ —
Маія перваго числа
Былъ мой лучшій день на свѣтѣ.

(Карманный Пѣсенникъ, 1796, № 47).

Я нигдѣ не веселюсь
И вездѣ вздыхаю,
Все смущенна, все крушусь.
Отъ чего жъ? не знаю:
Не могу и понять, что меня смущаетъ,
Что меня иногда плакать принуждаетъ.

Премѣнился весь мой нравъ,
Вся не та я стала:
Прежнихъ нѣтъ уже забавъ,
Все я потеряла;
Милый взоръ все въ умѣ: онъ вездѣ мнѣ зрится:
Безъ него и при немъ духъ во мнѣ мутится.

Не влюбилась ли? Ахъ! нѣтъ,
Мнѣ любовь ужасна.
Отчего жъ не милъ мнѣ свѣтъ,
Если я не страстна!
Что за скорбь злѣйшая въ грудь мою вселилась?
Все грущу, все въ слезахъ... знать, что я влюбилась.

Возвратишься ль ты когда,
Вольность дорогая?
Или въ грусти сей всегда
Рваться мнѣ, страдая?
О любовь! сколь ты зла, я теперь узнала.
Для чего жъ отъ тебя я не убѣгала.

Ты почувствуй тожъ, драгой,
Не лишай покою:
Я плѣнилася тобой,
Ты плѣнися мною.
Хоть сказать мнѣ о семъ стыдъ мой запрещаетъ,
Но всегда то тебѣ взоръ мой открываетъ.

(Письмовникъ Курганова, 1797 г., Спб. ч. II, № 55).

ОДНА И ТА ЖЕ.

Плѣнирой, иль Любимой, Сіопой, иль Розаллой
Я Пишу назову: все знаю, кто она.
Хоть какъ ни назову, вины въ томъ нѣтъ ни малой:
Коль милъ самой предметъ, всѣ милы имена,
Ихъ много мнѣ найдетъ любовь къ одной одна.

(«Пѣсни и разсужденія покоющагося Садовника». М. 1799, стр. 58).

ДОРОГОЙ ТЮЛЬПАНЪ.

Тише, тише, вѢтерочекъ,
Тише дуй во мой садочекъ,
Чтобъ тюльпанный мой кусточекъ,
Мнѣ любимой не заблёкъ.

Я сама его садила,
Сама нѣжила, ростила,
Поливала, берегла —
И вѣнокъ любви свила. [2]

Будь въ покоѣ, кустъ прекрасной.
Расцвѣтайте вы, цвѣты!
Въ васъ мой духъ, любовью страстной,
Всѣ находитъ красоты.

Милъ при васъ мнѣ изъяснялся:
Мной что всякой часъ плѣнялся,
Мной его горитъ что кровь;
Тѣмъ и мнѣ вселилъ любовь. [2]

Полюбились, изъяснились
И взаимно стали тлѣть,
Всѣ тюльпаны распустились
И прекраснѣй стали цвѣсть.

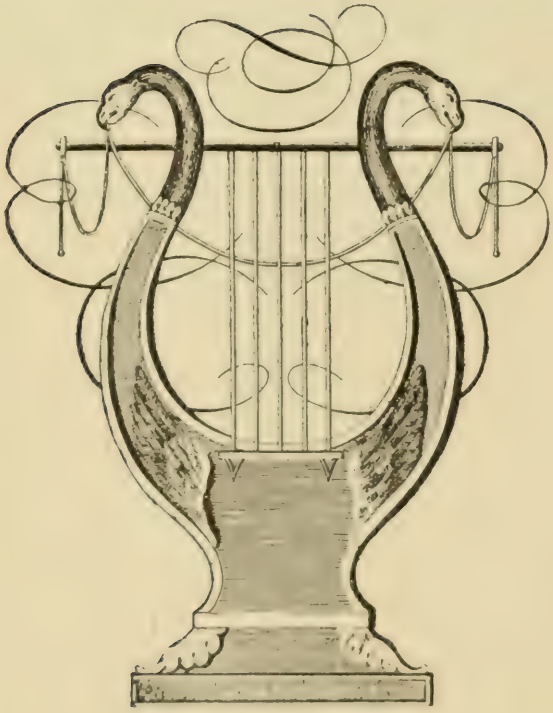
Всяка вѣтка оживала,
Какъ драгова я лобзала,
Всякъ листокъ твердилъ любовь,
Ожилъ всякъ цвѣточекъ вновь. [2]

Кустъ, ты храмомъ, зеленѣя,
Намъ содѣлался въ тотъ разъ,
Мы тебя, благоговѣя,
Обожаемъ всякой часъ.

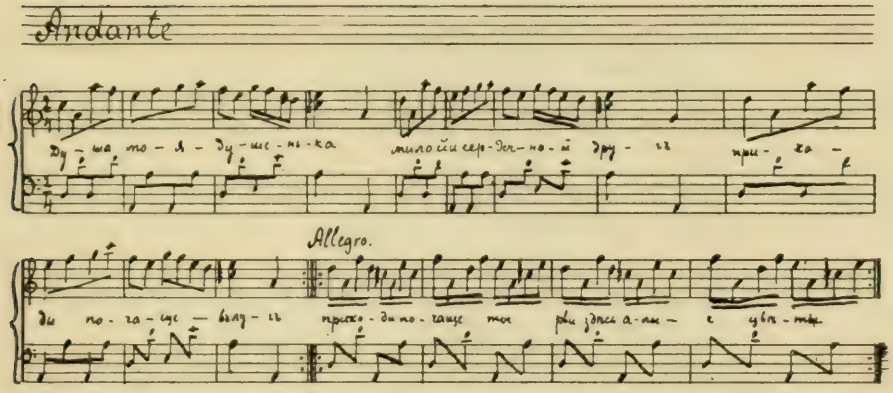
Клятвамъ нашимъ ты свидѣтель,
Ты покровъ нашъ, благодѣтель,
Тѣнь драгая для любви; —
Цвѣтокъ, милымъ вѣкъ слыви. [2]

«Пѣсни новѣйшія съ голосами и съ присовокупленіемъ фигуръ по коимъ можно гадать», М., 1800, № 50).

ПѢСНИ XVIII ВѢКА.



Душа моя душенька.



Милой и сердечной другъ,
Приходи почаще въ лугъ;
Душа моя, душенька,
Душа милъ сердечной другъ.

Приходи почаще ты,
Рви здѣсь алые цвѣты.
Душа моя, душенька...

Когда будетъ жаркой день,
Приходи подъ эту тѣнь;
Душа моя, душенька...

Я и въ саму мрачну ночь
Не пойду отсюда прочь.
Душа моя, душенька...

Не ищи иной травы
Мягче здѣшней муравы;
Душа моя, душенька...

Не мутна также вода,
Пригоняй овецъ сюда,
Душа моя, душенька...

Рощи милы мнѣ собой:
Я въ нихъ вижуся съ тобой
Душа моя, душенька...

Тогда въ радости моей
Громче свищетъ соловей.
Душа моя, душенька...

И кустарники шумятъ,
Сердце вѣяньемъ томятъ:
Душа моя, душенька...

Всѣ струи текущихъ рѣкъ
Мнѣ твердятъ тотъ сладкой вѣкъ,
Душа моя, душенька...

Спи спокойно, не стеня,
На колѣняхъ у меня
Душа моя, душенька...

Чаще видь меня во снѣ,
Какъ и самъ ты снишься мнѣ.
Душа моя, душенька...

Приходи ко мнѣ въ лужокъ,
Ты играй со мной въ рожокъ;
Душа моя, душенька...

Приходи къ потоку водъ
Въ вечеру во хороводъ.
Душа моя, душенька...

Хороша ли ты, дурна,
Но ты мнѢ, мой свѢтъ, мила.
Душа моя, душенька...

Для меня ты хороша,
Я тебѢ, ты мнѢ душа.
Душа моя, душенька...

Ты душа моя и жизнь,
Вся къ тебѢ стремится мысль;
Душа моя, душенька...

Разумъ мой плѢненъ тобой,
Не владѢю самъ собой.
Душа моя, душенька...

Ужъ владѢешь мною ты,
Взоръ невинной красоты
Душа моя, душенька...

Ты владѢй мною самовластно.
И на вѢки безопасно.
Душа моя, душенька...

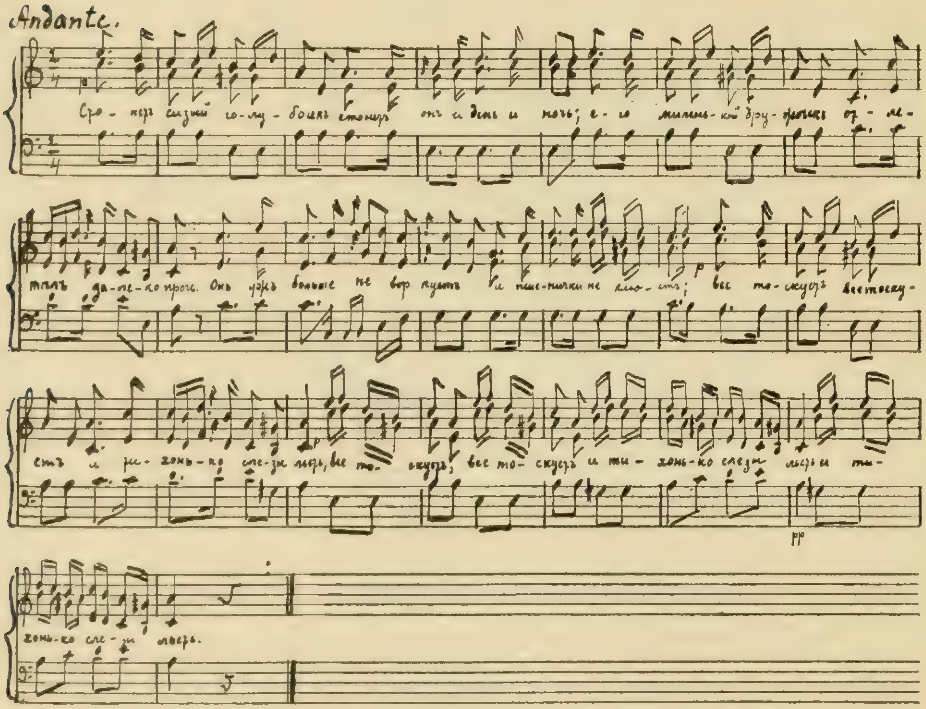
Обитай одна невинность
Въ непорочныхъ двухъ сердцахъ:
Душа моя, душенька...

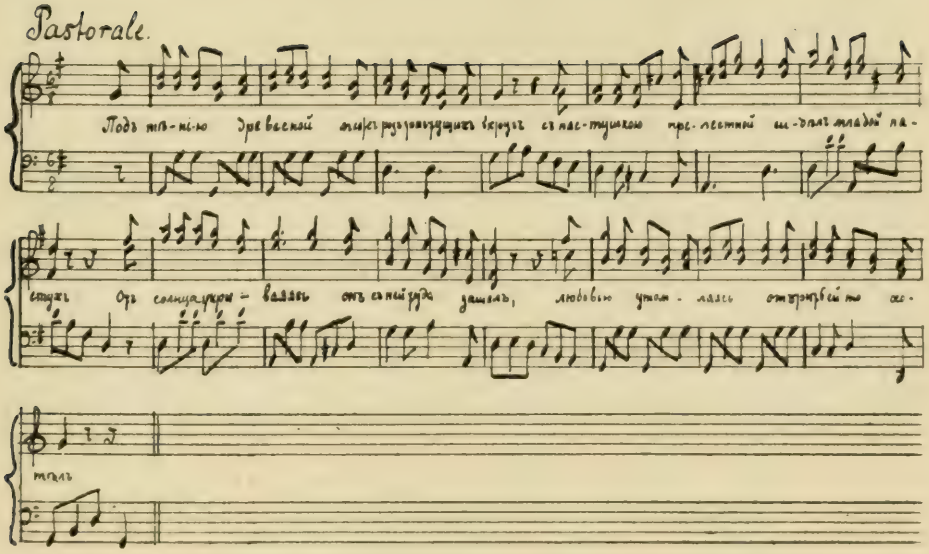
Ты твердися всегда въ мысляхъ
И живи въ нашихъ душахъ;
Душа моя, душенька...
Душа милъ сердечный другъ.

(Избранный ПѢсенникъ, ч. II, Спб., 1792 г., № 23).

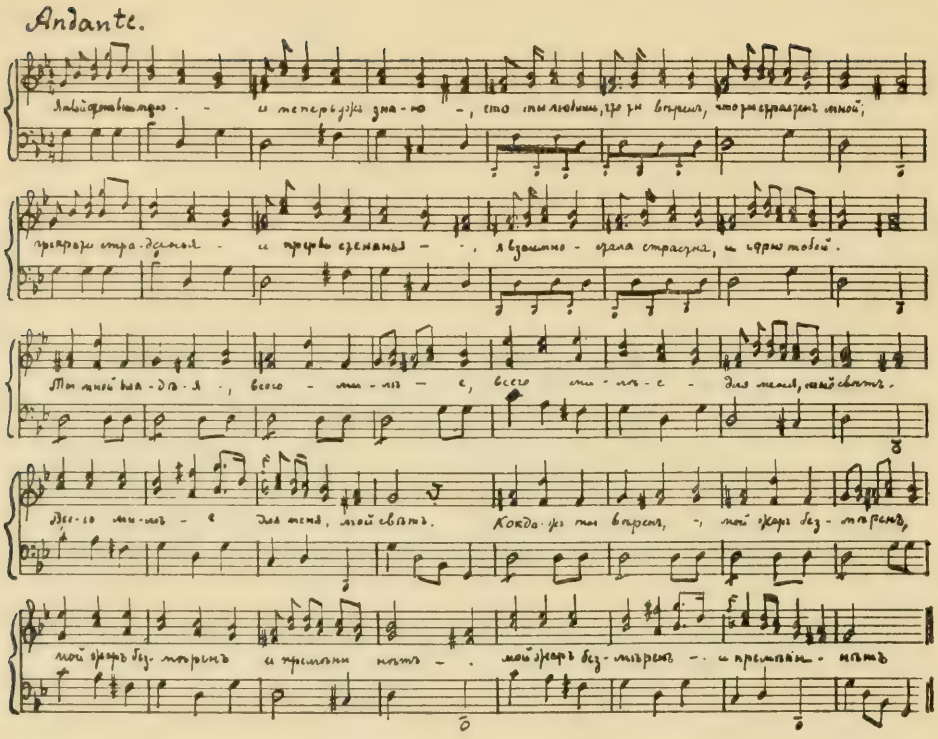
Стонетъ Сизый Голубочекъ.

Слова И. Дмитріева (стр. 102). Музыка Фердинанда Дица.
(1742 — 1798).





Слова Михайлы Попова (стр. 35).

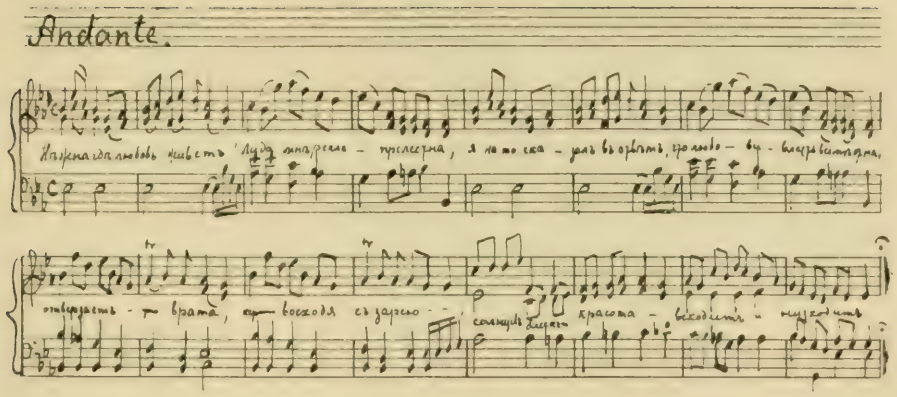


Ты не будешь долѣ,
Воздыхать въ неволѣ
Ты напрасно повсечасно токи слезны лилъ

Въ сладкой будь надеждѣ,
Не стени, какъ прежде
Будь, любезный, будь спокоенъ, будь равно мнѣ милъ.

Какъ духъ пылаетъ
Любовь являетъ,
Любовъ являетъ въ моихъ глазахъ.

Взаимной страстью,
Пылай коль къ щастью
Пылай, коль къ щастью, нѣжный жаръ въ сердцахъ



НѢжна гдѣ любовь живетъ?
Лида мнѣ рекла прелестна,
Я на то сказалъ въ отвѣтъ,
Что любовь живетъ всемѣстно.

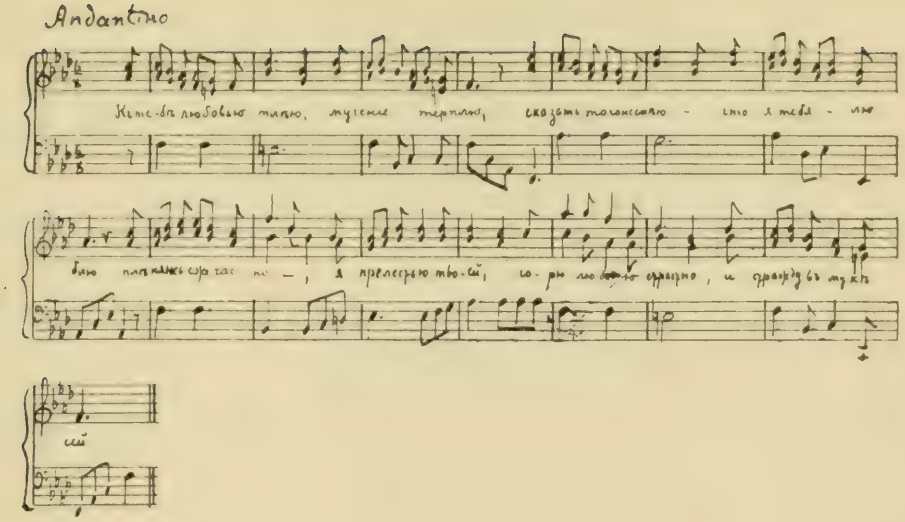
Отверзаетъ дню врата,
Купно восходя съ зарею,
Солнца блескъ и красота
Всходитъ и нисходитъ съ нею.

Съ стадомъ скачетъ на лугахъ;
Всей любовница природы,
Птички съ ней поютъ въ лѣсахъ,
Съ ней журчатъ прозрачны воды.

Въ злачной рощѣ часто спитъ,
И дѣвицъ она прельщаетъ,
Бабочки въ прелестный видъ
Коль себя преобращаетъ.

Въ вѣтвяхъ и цвѣтахъ любовь
Дышетъ сладостью и вѣетъ,
Розу родшуюся вновь,
И румянитъ и лелѣетъ.

Если-жъ хочешь точно знать,
Сколь мы ей всегда подвластны,
Милю ей твой видъ являть,
И глаза твои прекрасны.



Къ тебѣ любовью тлѣю,
Мученіе терплю,
Сказать того не смѣю,
Что я тебя люблю,

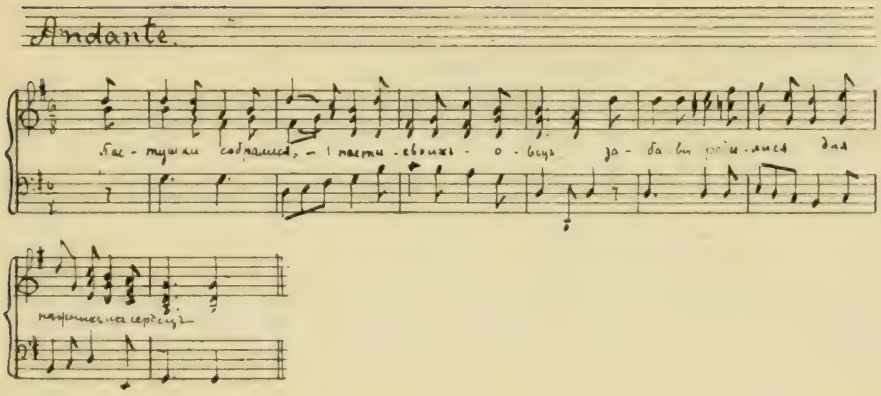
Плѣняюсь ежечасно
Я прелестью твоей;
Горю любовью страстно
И стражду въ мукѣ сей.

Не знаю дня ни ночи,
Чтобъ я спокоенъ былъ,
Твои прелестны очи,
Твой взоръ меня плѣнилъ.

Ты въ мысляхъ обитаешь,
Владычествуешь мной,
Ты жизнью обладаешь,
Владѣешь и душой.

Ужъ больше не жалѣю
О жизни я своей,
Тебя одну имѣю
Я въ памяти моей.

Прерви сіе страданье,
Которо я терплю,
Скончай мое мученье —
Скажи: и я тебя люблю.



Пастушки собралися
Пасти своихъ овецъ,
Забавы родилися
Для нѣжныхъ ихъ сердецъ.

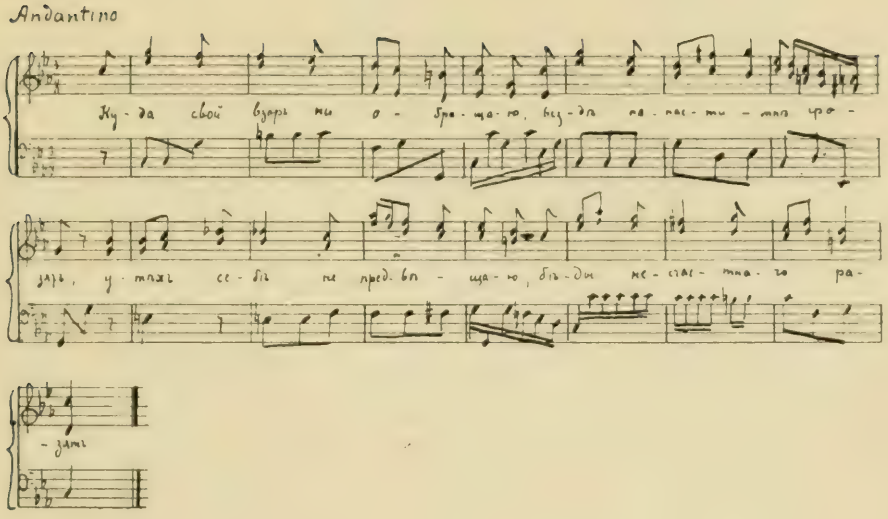
Поля имъ возвѣщаютъ
Пріятности утѣхъ,
Луга ихъ духъ прельщаютъ,
Въ играхъ суля успѣхъ. 2.

А мнѣ здѣсь утѣшенья
Природа не явитъ,
Повсюду зрю мученья,
Ничто не веселитъ. 2.

Сижу у быстрой рѣчки,
Въ источникъ не смотрю;
Гуляютъ здѣсь овечки,
А я забавъ не зрю. 2.

Пастухъ мои утѣхи
Разлукой возмутилъ,
Забавы, игры, смѣхи,
Въ печаль преобразилъ. 2.

Увяньте вы, цвѣточки,
Престаньте бить, ключи,
Сплетенны мной вѣночки
Токъ слезной омочи.



Куда свой взоръ ни обращаю,
Вездѣ напасть меня грызетъ,
Утѣхъ себѣ не предвѣщаю,
Бѣды несчастныя разятъ.

Болѣзни сердце отягчаютъ,
Во мнѣ волнуетъ хладна кровь,
Меня мученія терзаютъ,
Ведетъ въ отчаянье любовь.

Не зрятъ глаза моей любезной,
Увы! я съ нею разлученъ,
Вздыхай, терзайся, лей токъ слезный,
Нещастной, ты на вѣкъ плѣненъ.

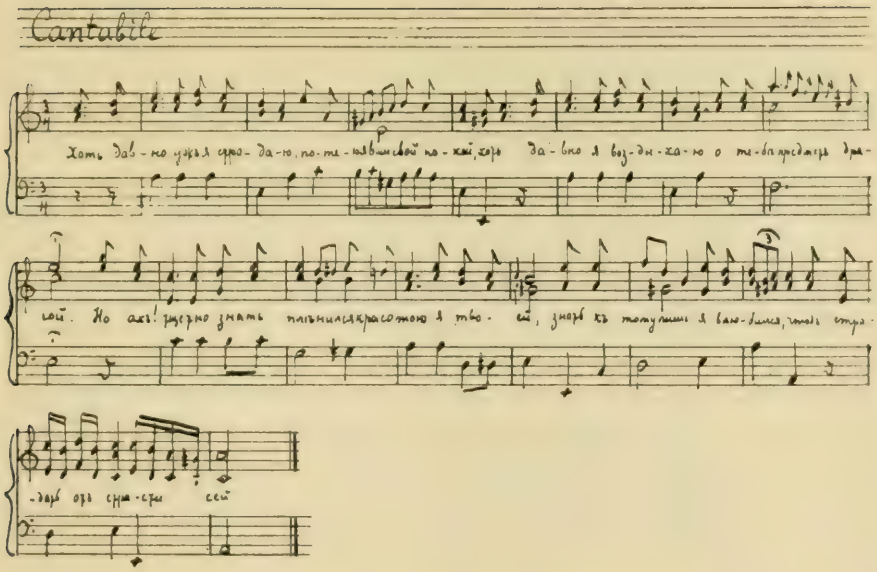
Ты тяжкимъ бремемъ жизнь считаешь,
Ты вянешь, твой блѣднѣетъ видъ,
Ты, мысля, о другой страдаешь,
И мысль сія, какъ громъ, разитъ.

О, вы, мѣста! мѣста любезны!
Гдѣ часть души моей живетъ!
Къ вамъ путь являютъ токи слезны,
Что всякій часъ нещастный льетъ.

Теперь отъ васъ я удаляюсь
И стражду, продолжая путь,
Любовью пагубной терзаюсь,
Стеня тягчу вздыханьемъ грудь.

Рази, растерзанна судьбина,
О, смертный часъ, скорѣй теки!
Приди, желанная кончина,
И жизнь несносну пресѣки.

(Напеч. въ «Трутнѣ», 1770 г. стр. 103. ч. IV, стр. 3 — 4).



Хоть давно ужъ я страдаю,
Потерявши свой покой,
Хоть давно я воздыхаю
О тебѣ, предметъ драгой.

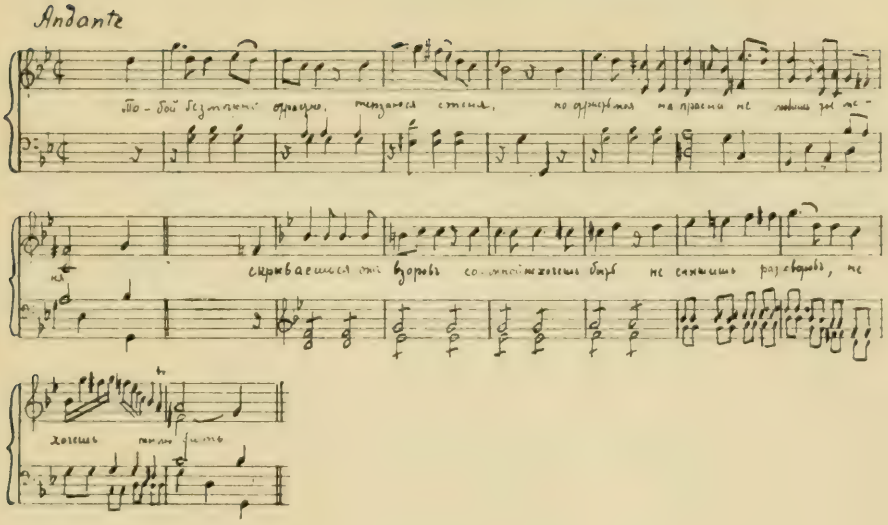
Но, ахъ, тщетно, знать, плѣнился,
Красотою я твоей,
Знать къ тому лишь я влюбился,
Чтобъ страдать отъ страсти сей.

Моихъ вздоховъ не внимаешь,
Убѣгать себя велишь,
Тѣмъ лишь муку причиняешь
И несчастіемъ грозишь.

Удаляя повсечасно
Отъ меня ты образъ свой,
Осуждаешь ты напрасно,
Въ вѣкъ лишь мучиться тоской.

Ахъ! скажи мнѣ, дорогая,
Буду-ль счастливъ я тобой,
Или часть моя такая,
Чтобъ провесть мнѣ вѣкъ въ томъ свой?

Ты скажи, что жить остаться
Мнѣ, дражайшая, велишь,
Или съ свѣтомъ симъ разстаться
Мнѣ на вѣки осудишь.



Тобой безмѣрно страстна,
Терзаюся стеня,
Но страсть моя напрасна,
Не любишь ты меня;

Скрываешься отъ взоровъ,
Со мной не хочешь быть,
Не слышишь разговоровъ,
Не хочешь ты любить.

Другая привлекаетъ
Къ себѣ твой страстный взглядъ;
Другого сердце чаетъ,
Лишаюся отрадъ.

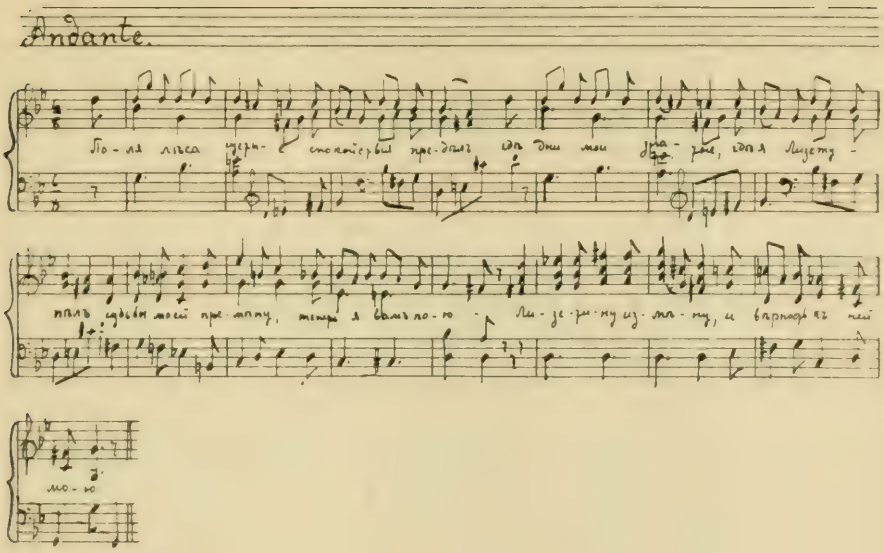
Ты муки умножаешь
И токи слезъ моихъ,
Холодность продолжаешь
Свирѣпостей своихъ.

Но можетъ ли другая,
Какъ я, тебя любить?
Меня ты убѣгая,
Не хочешь счастливъ быть.

Тебѣ мой духъ покоренъ,
Ты жизни мнѣ милѣй,
И жаръ мой непритворенъ,
Ты милъ душѣ моей!

Однако будь спокоенъ,
Тебя не возмущу,
Ты сталъ любви достоенъ,
Я всѣмъ любовь прощу.

Любовь, произведенну
Тобою во другой,
Но страсть, съ моей сравненну,
Нельзя имѣть иной.



Слова Канниста [1]).

Поля, лѣса густые,
Спокойствія предѣлъ,
Гдѣ дни мои златые,
Гдѣ я Лизету пѣлъ;

Судьбы моей премѣну
Теперь я вамъ пою,
Лизетину измѣну
И вѣрность къ ней мою.

[1]) «Пѣсня пастушка, которой и послѣ измѣны любезной продолжаетъ все ее любить. Голосъ отмѣнно нѣжной». — «Нов. и полн. Росс. общенар. пѣсенникъ» 1810 г., стр. 96, № 81.

Въ глазахъ ея всечасно
Любви я часто зрѣлъ,
И мнилъ любовью страстно,
Что духъ ея горѣлъ.

Что взоръ младой Лизеты
Стремился лишь плѣнять,
Ахъ, какъ въ такія лѣты
Умѣть ужъ измѣнять.

Любовны разговоры,
Улыбка, страстной видъ,
И самы нѣжны взоры —
Все въ ней притворно льститъ:

Но все въ ней прелесть нова,
Ахъ, пусть она-бъ была,
Или не такъ сурова,
Или не такъ мила.

Лѣсокъ, гдѣ я тоскую,
Гдѣ счастье пѣлъ мое,
Напомни мнѣ драгую,
Я все люблю ее.

Ея невѣрность знаю,
Тьмы горестей терплю,
Всечасно ей пѣняю,
А все ее люблю.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			стр.
Предисловіе составительницы.			III
Женщина въ Русскомъ Искусствѣ XVIII вѣка, статья Барона Н. Врангеля.			VII
А. П. Сумароковъ.	Очеркъ и стихи.	. . .	1
Кн. Ѳедоръ Козловскій. . . .	»	» . . .	18
Кн. Павелъ Гагаринъ.	»	» . . .	22
Алексѣй Ржевскій.	»	» . . .	28
Михайла Поповъ.	»	» . . .	33
И. А. Богдановичъ.	»	» . . .	37
Е. И. Костровъ.	»	» . . .	49
Н. П. Николевъ.	»	» . . .	53
П. Пельскій.	»	» . . .	61
Г. Державинъ.	»	. . .	63
Александръ Радищевъ.	»	» . . .	71
Кн. Е. Урусова.	»	» . . .	75
Василій Капнистъ.	»	» . . .	79
Ю. А. Нелединскій-Мелецкій. .	»	» . . .	89
Ив. Ив. Дмитріевъ.	»	» . . .	99
Н. М. Карамзинъ	»	» . . .	117
Братья П. и М. Кайсаровы. . .	»	» . . .	127
Д. И. Вельяшевъ-Волынцевъ. .	»	» . . .	131
П. Е. Срезневскій.	»	» . . .	135
М. Л. Магницкій.	»	» . .	141
П. М. Карабановъ.	»	» . . .	145
Анонимы.			152
Пѣсни XVIII вѣка. Ноты и текстъ.			173

LR.C
S2766

499164

Сборникъ любовной лирики XVIII вѣка.
Translit: Sbornik lyubovnoi liriki ...

DATE.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET